

Владимир МАКАРЧУК, Назарий РУДЫЙ

ВОСТОЧНЫЕ ГРАНИЦЫ МЕЖВОЕННОЙ РУМЫНИИ (1918 – 1940 гг.): АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Территориальные противоречия между Украиной и Румынией были окончательно сняты с подписанием базового двустороннего договора «Об отношениях добрососедства и сотрудничества между Украиной и Румынией» (1997 г.), а также после принятия в феврале 2009 г. Международным судом ООН в Гааге решения о разграничении территориального шельфа между двумя государствами.

Тем не менее, определенные трения остаются: часть румынской общественности считает, что в отношении их народа и государства в 1940–1948 гг. осуществлялся советский диктат, а территория Румынии подверглась необоснованному уменьшению. Не касаясь вопроса территориального урегулирования между СССР и Румынией, осуществленного в 40-х гг. прошлого века, рассмотрим юридическую обоснованность восточных границ Румынского королевства состоянием на 1918 – 1940 гг.

Одним из итогов Первой мировой войны стало увеличение территории Румынии более чем в два раза – с 131, 3 до 295 тыс. кв. км, а населения почти втрое – с 6,7 до 18 млн чел.¹ Характерно, что особой доблестью румынская армия на полях сражений не блистала. Вступив в Первую мировую войну 14 (27 августа) 1916 г., Румыния была жестоко бита врагом. Уже в начале 1917 г. немецкие и австро-венгерские войска оккупировали 99 845 кв. км (72,4 %) довоенной румынской территории. Румынский фронт держался лишь благодаря российской поддержке. На сентябрь 1917 г. в его составе насчитывалось 1 976 260 комбатантов и некомбатантов российской армии и лишь 458 тыс. собственно румынских военнослужащих².

Еще 9 ноября 1918 г., то есть за три дня до формального окончания Первой мировой войны, Румыния по собственной инициативе объявила о разрыве Бухарестского договора 1916 г. со странами

Доклад был зачитан на международной научной конференции «Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-российско-украинского сотрудничества» (Кишинев, 1-5 апреля 2012 г.).

Антанты, поскольку этот договор ограничивал ее права на буковинские земли лишь по р. Прут³.

Как известно, положения договора от 4 (17) августа 1916 г. предусматривали после окончательной победы стран Антанты присоединение к Румынии южной части Буковины по р. Прут (северная, заселенная преимущественно украинцам, должна была отойти к России), всей Трансильвании по р. Тиса, всего Баната по р. Дунай и сохранение в собственном составе бывшей болгарской Южной Добруджи⁴. Но, отказавшись в одностороннем порядке от Бухарестского договора 1916 г. в той его части, что касалась Северной Буковины, к тому времени оккупированной румынскими войсками, румынская сторона потеряла возможность требовать выполнения обещаний, данных ей Антантой, на послевоенной Версальской конференции. На что ей, кстати, и было указано английской делегацией.

Тем не менее, казавшиеся прежде невероятными приращения территории и населения Румынии стали реальностью уже в 1919–1920 гг. Щедрое вознаграждение состоялось даже без фарсовых плебисцитов (как, например, в Верхней Силезии, которую возрожденная Польша, по сути, отобрала у побежденной Германии, изгнав со спорных территорий более 200 тыс. немецкого населения, а затем грубо извратив итоги народного волеизъявления 20 марта 1921 г.). Вероятно, определенное значение в таком развитии событий имела роль регионального жандарма, взятая на себя Бухарестом при подавлении Венгерской Советской Республики (март – август 1919 г.), украинского освободительного движения в Северной Буковине и просоветских настроений в Бессарабии.

В конце 1917 г. в Петрограде произошел Октябрьский переворот (*революция – это более широкое понятие. – Авт.*), и новое советское правительство начало мирные переговоры с Четверным Союзом о немедленном заключении «справедливого мира без аннексий и контрибуций». По сути, такая односторонняя инициатива революционного Петрограда стала предательством западных союзников по Антанте, вступивших в Первую мировую войну в августе 1914 г. на стороне Сербии и России. В международном праве, по крайней мере для того исторического времени, смена правительства не могла служить достаточным основанием для отказа от внешних обязательств государства. Ссылка на оговорку *rebus sic stantibus* также выглядит малоубедительной.

Лондон и Париж стали лихорадочно искать возможность сохранения если не прежнего Восточного фронта, то хотя бы его подобия.

7 (20) января 1918 г. румынское военное командование с согласия представителей Антанты отдало приказ своим войскам перейти

р. Прут и вступить в Бессарабию. При этом делалась попытка объяснить румынскую военную акцию как гуманитарную операцию в помощь местному населению и российской армии.

Но Кремль вполне резонно и обоснованно расценил этот шаг как агрессию против России. 13 (26) января 1918 г. советское правительство постановило прервать дипломатические отношения с королевской Румынией. В его заявлении в частности указывалось: «Покрытая преступлениями румынская олигархия открыла военные действия против Российской республики»⁵. То есть *констатировалось недружественное действие со стороны соседнего государства, хотя война формально не объявлялась*.

18 (31) января 1918 г. в Кишиневе собрался III Бессарабский губернский съезд, который высказался за власть Советов и против отторжения области от революционной России. Председатель съезда В.М. Руднев был арестован и расстрелян на следующий день по распоряжению румынских оккупационных властей⁶. Вместе с Рудневым были казнены еще 45 депутатов⁷ – более чем показательный урок для противников объединения с Румынией.

Тем временем ленинскому правительству удалось осуществить военное давление на оккупированную румынами Бессарабию силами российской Дунайской флотилии и местных повстанцев. На основании русско-румынского соглашения от 5–9 марта 1918 г. Румыния обязывалась вывести свои войска из Бессарабии в течение двух месяцев, отказывалась от каких-либо административных функций и соглашалась не предпринимать «никаких военных, неприятельских или других действий против Советской республики»⁸.

Но ситуация вновь переменялась. После заключения Брестского мира Советская Россия потеряла реальную возможность оказывать поддержку просоветским (и пророссийским) силам в Бессарабии. Этим немедленно воспользовались власти Бухареста.

Решено было сделать ставку на якобы самоопределение населения Бессарабии. Поскольку с III губернским съездом у румынских властей отношения не сложились, решено было обратить внимание на Сфатул Цэрий (Совет страны). Этот исполнительный (а не законодательный) орган был сформирован после решения Всероссийского военно-молдавского съезда 21 октября 1917 г. Как предполагалось, он должен был состоять из 120 человек. Местным крестьянам выделили 30 мест, рабочим – ни одного. Вследствие разногласий между делегатами на самом съезде избрали всего несколько членов, дальнейшее формирование Сфатул Цэрий осуществляла комиссия, возглавляемая прапорщиком Теутой. В результате этой деятельности и был сформирован Сфатул Цэрий в составе 150 депутатов, 138 из которых были кооптированными, а не избранными⁹.

Готовя инсценировку «свободного волеизъявления народа», румынские оккупационные власти 27 марта 1918 г. расстреляли тех депутатов Сфатул Цэрий, которые выступали против присоединения Бессарабии к Румынии (все расстрелянные, за исключением украинца Чумаченко, были этническими молдаванами) и в тот же день провели открытое и поименное голосование в присутствии вооруженных румынских военных. Несмотря на протесты крестьянской фракции и некоторых других групп, удалось получить большинство, которое приняло Декларацию об объединении с Румынией.

Документ предполагал широкую автономию, уважение прав национальных меньшинств, конституционные гарантии прав и гражданских свобод и т. п.¹⁰

Ползучая аннексия Бессарабии происходила на фоне военных неудач Румынии в конфликте с Германией и Австро-Венгрией. 7 мая 1918 г. в Бухаресте был подписан мир с Центральными государствами, по которому Румыния теряла 6 тыс. кв. км довоенной территории, из которых около 600 кв. км предполагалось присоединить к австрийской Буковине. Но Четверной союз одновременно признал за побежденной Румынией «права» на большую часть оккупированной ею Бессарабии.

В современном международном праве предусмотрена возможность отторжения части территории государства-агрессора как санкции государства-победителя (самый известный пример такого рода – Потсдамские соглашения 1945 г. по Восточной Пруссии).

В т. н. *старом международном праве* приобретение территории побежденного врага было вполне легитимным способом увеличения государственной территории, безотносительно, шла ли речь об агрессоре или жертве агрессии. Но и в этом случае требовалось заключение послевоенного мирного договора, приращение оккупированной территории односторонним правовым актом государства-победителя (оккупанта) не допускалось. Принимая поддержку Четверного союза в деле отторжения части территории побежденной России (с ней Германия и ее союзники в начале марта 1918 г. заключили известный Брестский мир), Румыния тем самым призывала себя к Центральным державам, превращалась в их фактического военного союзника. Ее «права» на Бессарабию теперь юридически опирались на отказ Советской России от территорий, оккупированных австро-германскими союзниками вследствие заключения Брестского мира. Государства-победители России согласились уступить часть территории побежденного ими враждебного государства своему новому фактическому союзнику. Сохранись хрупкое статус-кво мая 1918 г. на будущее, победы Четверной союз

в мировой войне - и легитимизацию включения Бессарабии в состав Румынии можно было бы считать состоявшейся.

Но мировая война дала неожиданный поворот. Провал начатого в мае 1918 г. генерального германского наступления на Париж, усиление американской помощи Антанте, буржуазная революция в Германии 8–9 ноября 1918 г. разрушили и эту циничную сделку. В Бухаресте решили обратиться к праву наций на самоопределение, декларированное в известных «14 пунктах» президента США В. Вильсона

В конце ноября 1918 г. по инициативе т.н. Молдавского блока, без предварительной публикации в прессе и рассылки повесток, было созвано внеочередное заседание Сфатул Цэрий. В нем приняли участие 46 (или 48) депутатов из списочных 162, в основном члены блока. В ночь с 25 на 26 ноября формально неправомерный съезд (поскольку для правомерности решений минимальный кворум должен был составлять не меньше трети – 54 депутата от всего состава Сфатул Цэрий) принял решение о безусловном присоединении края к Румынии. В результате Бессарабия была лишена даже «провинциальной автономии». Сразу же после этого Сфатул Цэрий был распущен королевским декретом¹¹.

Против кулуарного решения остро протестовали те депутаты Сфатул Цэрий, которые не принимали участия в заседании. Однако их мнение уже никого не интересовало.

В Париже 28 октября 1920 г. между Великобританией, Францией, Италией, Японией и Румынией, без участия России и Украины и без проведения плебисцита, был подписан договор о передаче Бессарабии Румынии. Статья 9 этого договора провозглашала, что «высокие договаривающиеся стороны пригласят Россию присоединиться к указанному договору, как только будет существовать признанное ими российское правительство»¹². Это обещание так никогда и не было выполнено.

Следует также указать, что Парижский протокол от 28 октября 1920 г. не был ратифицирован Японией (как стороной договора), поэтому он остался без международной правовой силы. Не признали его также США и ряд европейских государств.

Даже в благосклонной к Румынии западной историко-правовой науке высказываются сомнения относительно легитимности поглощения Бессарабии. Например, американский авторитет в сфере международного публичного права А. Коббан указывал, что в Версале румынская делегация протестовала против самой возможности проведения плебисцита в Бессарабии, ссылаясь на то обстоятельство, что автохтонное «румынское» население и так составляет

абсолютное большинство¹³. Ученый считал, и, как нам представляется, вполне обоснованно, подобные отговорки (Франция, например, не желала плебисцита в Эльзас-Лотарингии) свидетельством определенной слабости позиции.

Россия и Украина 1 ноября 1920 г. высказали свое несогласие с этим решением. В ноте правительств РСФСР и УССР правительствам Великобритании, Франции, Италии и Румынии указывалось: «Узнав о том, что между великими союзными державами и Румынией подписан договор о присоединении к последней Бессарабии, правительства Советских Республик России и Украины объявляют, что они не могут признать имеющим какую-либо силу соглашение, касающееся Бессарабии, состоявшееся без их участия, и что они никоим образом не считают себя связанными договором, заключенным по этому предмету другими правительствами»¹⁴.

Не могло румынское правительство в своих притязаниях на Бессарабию опираться на сколько-нибудь длительный период т. н. молчаливого признания со стороны советского правопреемника (континуатора) России. Москва постоянно напоминала о своих территориальных правах нотами протеста¹⁵.

Не приносили успеха попытки навязать советской стороне признание правовой силы аннексии Бессарабии на Варшавской (1921 г.) и Венской (1924 г.) румынско-советских конференциях, с помощью пакта Бриана-Келлога (1929 г.), при возобновлении румынско-советских отношений 9 июня 1934 г. и т. п. Во всех этих случаях советская сторона заявляла, что ее позиция остается неизменной, а бессарабский вопрос – открытым¹⁶.

Москва и Киев также резко реагировали на каждую попытку Бухареста добиться международно-правового признания аннексии Бессарабии со стороны третьих государств. Так, после подписания французско-румынского «гарантийного» договора 10 июня 1926 г. (Франция, стараясь не допустить сближения Румынии с фашистской Италией, подписала с ней договор о предоставлении помощи, в котором признала ее существующие границы) советское правительство вначале потребовало разъяснений, а затем (2 октября 1926 г.) обратилось к Франции с нотой протеста. Оно заявило, что рассматривает франко-румынский договор, санкционирующий незаконный и насильственный захват Бессарабии Румынией, как недружественный акт французского правительства в отношении СССР.

«Этим договором, – объявляла советская нота, – Франция становится на сторону правительства Румынии, которое, вопреки самым элементарным принципам международного права и собственным же формальным декларациям, а равно декларациям союзных ди-

пломатических представителей, включая представителя Франции, в Яссах в 1917 г., вопреки повторным обязательствам в формальном договоре между генералом Авереску и советским правительством в 1918 г. и, наконец, вопреки желанию, многократно выраженному бессарабским народом, отказывается выполнить свои обязательства и эвакуировать территорию Советского Союза».

Далее советское правительство предупреждало в своей ноте, что француско-румынский договор 10 июня 1926 г. «уменьшает шансы мирного решения бессарабского вопроса на базе права народов на самоопределение и усиливает угрозу, направленную против мира в Восточной Европе»¹⁷. Подобный протест советское правительство высказало и в ноте 6 октября 1926 г., адресованной итальянскому премьер-министру Муссолини, в связи с подписанием итало-румынского договора от 16 сентября 1926 г.

Тем временем Бухарест проводил активную политику румынизации оккупированных территорий. По советским подсчетам, на протяжении межвоенного времени Румыния выселила из оккупированной Бессарабии более 300 тыс. чел. местного населения¹⁸. Понятно, что масштабные депортации коренного, но «нерумынского» населения имели бы существенное влияние на результат эвентуального плебисцита, если бы таковой был проведен по требованию СССР как правопреемника России.

В свою очередь Москва никоим образом не допускала смягчения своей первоначальной позиции в бессарабском вопросе. Даже установление двусторонних советско-румынских дипломатических отношений (1934 г.) не означало признания аннексии Бессарабии, что понимала и румынская сторона. На заседании румынского парламента министр иностранных дел Н. Титулеску был жестко раскритикован за то, что «подписал с Россией соглашение, в котором ничего не говорится о Бессарабии»¹⁹.

В межвоенный период в состав Румынии входила и Буковина. После поражения в Первой мировой войне и распада Австро-Венгерской империи Вена по требованию Союзнических государств отказалась от сюзеренитета над теми частями бывшей империи, чье население не было германоязычным. Сюзереном этих земель де-юре стали государства-победители, которые предполагали осуществить будущее территориальное урегулирование на основе провозглашенных ими же принципов уважения права наций на самоопределение. Именно с подачи Версальской конференции Северная Буковина была передана Румынии без проведения плебисцита и вопреки воле большинства местного населения.

Еще 3 ноября 1918 г. в Черновцах состоялось краевое народное собрание (Буковинское народное вече), которое провозгласило воссоединение Северной Буковины с Украиной. В многолюдном форуме (более 40 тыс. участников) приняли участие представители почти всех городов и сел, всех сословий и национальностей, общественных организаций края. После оккупации Буковины румынскими войсками 28 ноября 1918 г. румынские власти созвали Генеральный конгресс Буковины, куда формально пригласили представителей всех национальностей. Согласие дали представители поляков и немцев, члены украинской и еврейской общин ответили отказом. Австрийская перепись 1910 г. зафиксировала в Буковине численное преобладание украинского населения над румынским, следовательно, на конгрессе не было представлено большинство населения.

Основным решением стало провозглашение «воссоединения с Королевством Румыния Буковины, без кондиций (условий) и навсегда в своих прежних границах по рр. Черемош, Колячин и Днестр»²⁰. Несмотря на то, что легитимность этого конгресса более чем сомнительна, поскольку в его работе не принимали участия представители релятивного большинства населения (украинцы и евреи), официальный Бухарест поспешил принять 19 декабря 1918 г. декрет-закон № 3344 о присоединении Буковины к Румынии. В документе в частности указывалось: «Буковина в общих границах, которые ждали своей исторической судьбы, есть и остается неотъемлемой частью Румынского королевства»²¹. 29 декабря 1919 г. новоизбранный румынский парламент в первую очередь, еще до начала своей работы, принял закон о ратификации декрета-закона о присоединении Буковины к Румынии²². Король промульгировал его 31 декабря 1919 г.

По ходу событий выяснилось, что суверенами Буковины, согласно будущему договору с побежденной Австрией, выступают все государства-победители, которым и принадлежит право определить ее государственно-правовой статус. На Версальской конференции Румынию в ее претензиях на Буковину рьяно поддержала Франция, менее активно – Великобритания. Позиция же США была сформулирована в т. н. Черной и Красной книгах, представленных американской делегацией 21 января 1919 г. Вашингтон настаивал, что территориальное размежевание в Буковине должно осуществляться по этнографическому принципу, регион следует разделить на две части – украинскую и румынскую, оставляя город Черновицы под властью Румынии (граница должна была проходить в миле к северо-западу от города)²³.

Франция и в некоторой мере Великобритания в Версале были прежде всего озабочены угрозой германского реваншизма и уже в

это время начали сколачивать будущую Малую Антанту. Соединенные Штаты, во главе которых стоял В. Вильсон со своей «сверхценной» идеей права наций на самоопределение, меньше были связаны этим фактором. В итоге верх взяли прагматические соображения европейских Великих держав, и Румыния заполучила то, что ей по праву наций на самоопределение принадлежать не могло. Мы уже высказывали мысль, что в Версале Бухарест был вознагражден за взятую им на себя функцию регионального жандарма.

Край формально был передан Румынии Союзническими государствами Сен-Жерменским договором, подписанным с побежденной Австрией 10 сентября 1919 г. А 4 июня 1920 г. был подписан Трианонский мирный договор, который определял границы Венгрии и, соответственно, западные границы Румынии.

Кроме украинских и молдавских территорий Бессарабии и Северной Буковины (Сен-Жерменский договор), к Румынии отошли Добруджа (договор в г. Нейи с побежденной Болгарией 27 ноября 1919 г.), Трансильвания и Банат (Трианонский мир с Венгрией 4 июня 1920 г.).

Советская сторона официально не признала не только аннексию Бессарабии, но и вхождение в состав Румынии Буковины. Так, правительство Украинской ССР 1 (2) мая 1919 г. обратилось к Румынии с ультимативной нотой, в которой ставило условие прекратить оккупацию Буковины румынскими войсками: «Освобожденные от ига Габсбургской династии рабочие и крестьяне Буковины были силой подчинены новому, отнюдь не лучшему гнету румынских помещиков и румынской династии Гогенцоллернов. Буковина, перед которой стояла определенная возможность освобождения, пала жертвой ненасытной румынской военной и гражданской олигархии. Украинская Социалистическая Советская Республика связана с Буковиной не только солидарностью, объединяющей массы рабочих всех стран, но и этнографическим сближением значительной части населения, самым решительным образом протестует против насилия румынского правительства над волей населения Буковины и доводит до сведения правительства Румынии, что правительство Украинской Социалистической Республики твердо решило всеми способами охранять право рабочих и крестьян Буковины на национальную независимость»²⁴.

На советско-румынской конференции в Вене в 1923 г. советская делегация (Н. Крестинский и Левицкий) добивалась для Буковины права на самоопределение. В 1924 г. Х. Раковский на последнем заседании советско-английской конференции провозгласил декларацию, в которой говорилось о том, что присоединение Буковины

к Румынии стало грубым нарушением международного договора 1916 г., и добивался для Буковины права на самоопределение: «С помощью союзников и, в частности, британского правительства Румыния получила по Сен-Жерменскому соглашению еще и другие территории, заселенные украинцами, а именно северо-восточную часть Буковины. Этот акт насилия со стороны Румынии противоречит договору, подписанному между Румынией, Россией и другими союзниками 4 августа 1916 года. Именем советского правительства советская делегация решительно протестует против акта насилия Румынии с помощью союзников, среди них и Англии. Буковинскому населению нужно дать право самому определить свою судьбу»²⁵.

Указанный документ интересен еще и тем, что в 20-х гг. прошлого столетия украинская советская сторона ставила вопрос только о северо-восточной части края (в то время как западная историография пытается приписать советским требованиям их распространение на всю – и Северную, и Южную – Буковину).

Реальная возможность для советской стороны решить в свою пользу давнишний территориальный спор с Румынией (причем не обязательно военными способами) возникла лишь в самом начале Второй мировой войны. Эта возможность основывалась на сотрудничестве с другими Великими державами, причем не только с нацистской Германией, но и буржуазно-демократической Великобританией и фашистской Италией.

С точки зрения действовавшего в 1918–1940 гг. международного права, румынская оккупация Бессарабии не могла быть легитимизована ни инициативой Сфатул Цэрий, ни решениями Версальской конференции о передаче региона Румынии. *Никто не может передать больше прав, чем имеет их сам.* Россия в Версале представлена не была и не рассматривалась как побежденное государство, чью территорию государства-победители имели бы право кромсать. И наоборот – румынский титул на Буковину, включая и северную ее часть, был вполне легитимным, его приобретение отвечало нормам *ius cogens* тогдашнего старого международного права, хотя и пребывало в противоречии с правом наций на самоопределение (норма *ius cogens* уже т. н. нового международного права).

Интересно отметить, что румынские власти уже летом 1940 г. воспринимали утрату Бессарабии (но не Северной Буковины) как закономерную. Косвенным свидетельством этого может служить обращение румынского премьер-министра Джигурту, направленное Гитлеру накануне переговоров в Крайове и Второго Венского арбитража. В этом документе румынский руководитель делал попытку разграничить уже свершившуюся потерю Бессарабии с возможностью новых уступок государственных территорий в пользу Болгарии

и Венгрии: «Бессарабия объединилась с Румынией в конце Первой мировой войны. Мы не боролись за это объединение, и, между прочим, это объединение не было одной из целей, какие мы преследовали в великой войне. Поэтому понятно, почему наш народ согласен с уступкой без всякой борьбы»²⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Яровий В.* Новітня історія Центральноєвропейських та Балканських країн ХХ століття: [підручник для вищих навчальних закладів]. К., 2005. С. 374.

2. *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 170; *Виноградов В.Н.* Румыния в годы Первой мировой войны. М., 1969. С. 216–217.

3. *Franta pentru unirea tutor românelor* // *Glasul Bukovinei*. 1918. 24 noiembrie. (№ 10).

4. *Мельтюхов М.* Освободительный поход Сталина. М., 2006. С. 11.

5. ДВП СССР. Т. I. С. 89.

6. История Румынии. 1918-1970 / Редколегия: Н.И. Лебедев (отв. ред.) и др. М., 1970. С. 22.

7. *Адамчук І.Г.* Боротьба за державно-територіальний статус Північної Буковини, Акерманського, Ізмаїльського і Хотинського повітів Бессарабії, острова Зміїного та Закарпатської України у 1917–1947 рр. Історико-правове дослідження. К., 2007. С. 46.

8. ДВП. Т. I. С. 210.

9. *Адамчук І.Г.* Указ. соч. С. 45.

10. *Дюкарев В. В.* Приднестровье (прошлое, настоящее, будущее). Дубосары 1989-1992 гг. За кулисами политики. Тирасполь, 2000. С. 78–81.

11. *Дюкарев В.В.* Указ. соч. С. 81.

12. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. Выпуск 2. Акты дипломатии иностранных государств. М., 1929. С. 69.

13. *Cobban A.* The National State and National Self-Determination. New-York: Thomas J. Crowell Co, 1969. P. 92.

14. Документы внешней политики СССР. Т. I. 1 июля 1920 г. 18 марта 1921 г. М.: Госполитздат, 1959. С. 312.

15. Документы внешней политики СССР. Т. I. М.: Госполитздат, 1957. С. 66-67, 90, 241-242, 248-249; Документы внешней политики СССР. Том II. М., 1958. С. 66, 148-151, 171-172; Документы внешней политики СССР. Т. III. М., 1960. С. 488-492 и др.

16. *Копанский Я. М., Левит И. Э.* Советско-румынские отношения: 1929–1934 гг. От подписания Московского протокола до установления дипломатических отношений. М., 1970. С. 43.

17. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. От снятия блокады с Советской Россией до десятилетия

Октябрьской революции. Выпуск 1. Акты советской дипломатии. М., 1928. С. 354.

18. История дипломатии. Т. III. М.; Л., 1945. С. 53.

19. Лебедев И. И. СССР в мировой политике, 1917–1982. 2-е изд., доп. М., 1982. С. 354.

20. Буковина, її минуле і сучасне / під ред. Д. Квітковського, Т. Бриндзана, А. Жуковського. Париж; Філадельфія; Дітройт, 1956. С. 321; Micu S. Istoria românilor. București, 1995. Vol. I. P. 29–30.

21. Lupescu I. Monumentele unirii. București, 1985. P. 34.

22. История Румынии: пер. с рум. / И. Болован, И.А. Поп (координаторы) и др. М., 2005. С. 555.

23. Șarșă F. Diplomația americană și problema Bucovinei. Țara Fagilor, 1996. P. 40–44.

24. Канюк С. І. Буковина в румунській неволі. Харків, 1930. С. 130.

25. Канюк С. І. Указ. соч. С. 130.

26. Русско-румынские и советско-румынские отношения. Сб. статей и сообщений / Редкол.: В. Я. Гросул и др. Кишинев, 1969. С. 104–105.

Дьени ГАБОР

ВЕНГРИЯ, СССР И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПОТЕРИ ВЕЛИКОЙ РУМЫНИИ В 1940 г.: УРОКИ ИСТОРИИ

Для историков-русистов, интересующихся российско-венгерскими отношениями, представляет показательный пример союзничества против Румынии, которое сложилось между нашими странами на начальном периоде Второй мировой войны, в 1940 г.

В последнее время, кроме существовавших «Дипломатических документов по внешней политике Венгрии» (на венгерском языке) и сборника «Трансильванский вопрос» (на русском языке), были опубликованы новые источники, которые предоставляют новую информацию по этой проблематике. В 2008 г. при поддержке фонда «Демократия» (фонд Яковлева) вышел в свет сборник документов «Военная разведка информирует. Январь 1939 – июнь 1941» – донесения советской военной разведки с 1939 по июнь 1941 г. В нем приводятся аналитические записки разведуправления Красной армии, донесения военных атташе при посольствах СССР за рубежом и прочие агентурные сообщения, содержащие ценную информацию не только о военном, но и о внешнеполитическом и стратегическом мышлении советского руководства на начальном этапе войны.

Румыния и «новорожденные» государственные образования – Польша, Чехословакия и Югославия (два последних государства не имели исторического предшественника) и их покровители (прежде всего Франция и Великобритания) являлись «столпами» Версальской системы международных отношений, нового европейского порядка после Первой мировой войны. С другой стороны, Германия, Венгрия, СССР (Россия), Болгария, как потерпевшие поражение в войне и, в частности, Италия, имели претензии к этой новой европейской архитектуре безопасности. Так что предпосылки конфликта уже непосредственно после Первой мировой войны были очевидны (недаром маршал Фердинанд Фош сказал о Версальском мире, что это не мир, а перемирие на 20 лет).

Доклад был зачитан на международной научной конференции «Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-российско-украинского сотрудничества» (Кишинев, 1-5 апреля 2012 г.).

Наш общий с СССР интерес особенно четко был направлен против Великой Румынии - ведь к этой стране и Венгрия, и СССР имели территориальные претензии. Как известно, Румыния в результате Трианонского договора получила всю Трансильванию, Парциум, восточную часть Баната и венгерской низменности (всего 102 тыс. км² с 5,2 млн человек - 31,7 % всей территории бывшей Венгрии). На этих территориях венгерское большинство (по данным последней венгерской переписи 1910 г.) было отмечено не только в Секейфелде и Восточных Карпатах, но и непосредственно возле румыно-венгерской границы и в крупных городах Трансильвании (хотя в Трансильвании приблизительно с конца XVII века проживало румынское большинство). По данным румынской переписи населения 1930 г., в областях Чиук (86 %), Муреш (46 %), Одорхеи (95 %), Треи-Скауне (87 %) преобладало венгерское население (данные по родному языку), а в следующих крупных трансильванских городах (municipiul) также было отмечено венгерское большинство (данные по родному языку): Арад (53 %), Орадеа (67 %), Брашов (42 %), Клуж (54 %), Тыргу Муреш (66 %), Сату-Маре (59 %), Тимишоара (35 %).¹ А у России Румыния захватила Бессарабскую губернию.

В Венгрии после революционных событий 1918-1919 гг. установился консервативный режим адмирала (с 1920 г. - регент Венгрии) Миклоша Хорти. Несмотря на идеологические противоречия и антисоветские шаги венгерского руководства (во время польско-советско-русской войны 1920 г. Будапешт был готов и военным путем поддержать Варшаву, но Чехословакия не пустила через свою территорию венгерские войска)², общий интерес был ясен и для режима адмирала Хорти. Кроме дела венгерских военнопленных, которое было завершено в 1921 г., темой первых дипломатических контактов между СССР и Венгрией стало возможное союзничество двух стран против Румынии. Союзничество не только дипломатическое, но и военное. 24 апреля и 2 мая 1922 г. на международной конференции в Генуе между главами внешнеполитических ведомств - наркомом Г.В. Чичериным и Миклошем Банффи - шли переговоры о возможном сотрудничестве между нашими странами. По запискам Банффи известно, что Г.В. Чичерин 2 мая заявил, что Советская Россия не признает аннексию Трансильвании Румынией. Также он не исключил возможности, что Москва предпримет военные действия против Румынии, поскольку Бухарест активно поддерживает белое движение. Банффи со своей стороны пообещал венгерскую военную помощь Москве против Румынии в том случае, если Будапешт узнает точную дату советской военной акции. Но поскольку ее точная дата не была названа, дипломаты договорились, что обсуждения воз-

можного военного союза продолжаться. Однако они из-за отказа венгерской стороны были прекращены³.

Несмотря на общий интерес, между Венгрией и СССР по идеологическим причинам не сразу установились дипломатические отношения. Миклош Хорти все время своего правления негативно относился к советской власти (он еще в октябре 1932 г. составил меморандум с призывом к лидерам мировых держав заключить союз против СССР и большевизма и позже, в 1941 г., воспринимал войну против Советского Союза как «крестовый поход против большевизма»)⁴. Венгерско-советские дипломатические отношения были установлены лишь в феврале 1934 г. при посредничестве итальянской дипломатии.

Важно отметить, что Венгрия и венгерские стремления к территориальной ревизии в период между двумя мировыми войнами остались на периферии важных европейских дел, и Будапешт к концу 30-х гг. все более сближался с Германией. Именно благодаря союзу с Германией и Италией Венгрия, начиная с 1938 г., смогла частично реализовать свои ревизионистские планы. После Первого венского арбитража (2 ноября 1938 г.) Венгрия вернула территорию Южной Чехословакии - южную полосу страны, где проживало компактное венгерское население (с городами Кошице, Мукачево, Ужгород, Берегово - всего 11 900 км² с населением 869,3 тыс. человек, из них 86,5 % венгров)⁵.

Весной 1939 г., когда Чехословакия прекратила свое существование, венгерские войска вторглись и в Подкарпатскую Русь, где во главе с Августином Волошиным было сформировано независимое правительство (Карпатская Украина).

Военные формирования Подкарпатской Руси (самопровозглашенной Карпатской Украины) оказали военное сопротивление венгерским войскам. Хуст обратился к Румынии с просьбой, чтобы Бухарест взял под свою защиту этот регион, однако тот отказал - румынское руководство не хотело конфронтации с Венгрией из-за карпатских земель. Тем не менее, Румыния в связи с чехословацкими событиями уже в 1939 г. начала частичную мобилизацию⁶. 19 марта 1939 г., когда венгерские войска практически полностью вернули Закарпатье, министром иностранных дел Карпатской Украины была отправлена и в Берлин такая же безуспешная просьба, чтобы Германия взяла Карпатскую Украину под свою защиту (по данным советских разведорганов, в 1939 г. существовал сценарий, что Третий рейх после ликвидации Чехословакии захватит и Венгрию)⁷.

Весной 1939 г. Франция и Англия дали гарантии Греции, Польше, Румынии и Турции на случай возникновения для них военной угро-

зы, но это уже не могло предотвратить распад Версальской системы европейской безопасности. По данным советской разведки, Сталин впервые в мае 1939 г. получил известие о том, что Гитлер серьезно рассматривает возможность договора с СССР и что немецкая военная операция против Польши может начаться в конце лета того же года⁸.

Берлин, со своей стороны, хотел использовать Венгрию, чтобы давить на Румынию, которая по-прежнему оставалась партнером Франции и Англии (хотя во второй половине 30-х гг. наблюдается постепенная переориентация румынской внешней политики с Франции на Третий рейх)⁹. В мае 1939 г. сотрудник бюро Риббентропа, эксперт по восточным проблемам Бурно Петер Клейст, оставившийся в Варшаве, сказал, ссылаясь на разговор Гитлера с Риббентропом, что Гитлер хочет нажать на Румынию и с этой целью он намерен укрепить позиции Венгрии. Поэтому возможно присоединение Словакии к Венгрии. Таким образом можно установить германский протекторат над Венгрией и выдвинуть немецкие войска к Румынии¹⁰.

В мае для руководства СССР стало совершенно ясным, что Германия нанесет удар именно по Польше. Берлин с начала июля через определенные каналы дал понять Москве, что хочет соглашения с СССР по поводу Польши и Прибалтики, чтобы Германия и СССР «восстановили границы 1914 г.»¹¹. 23 августа 1939 г. по инициативе Германии был заключен договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, в секретном протоколе которого «подчеркивается интерес СССР к Бессарабии»¹². СССР с конца 1939 г. предпринимал шаги для подготовки освобождения Бессарабии от румынской оккупации, а советская разведка сконцентрировала свое внимание на Румынии, особенно на положении румынской армии. В марте 1940 г. Молотов на сессии Верховного Совета намекнул, что СССР никогда не признавал захват Бессарабии Румынией, но конкретные военные приготовления со стороны Советского Союза к решению бессарабского вопроса начались лишь с июня 1940 г.¹³

Что касается Венгрии, то, по данным советской разведки, уже с конца 1939 г. началось сосредоточение венгерских войск на венгеро-румынской границе, и вместе с тем усилилась антирумынская агитационная деятельность в Венгрии¹⁴. В венгерском руководстве в это время сложилось мнение, что после Чехословакии последует очередь Румынии.

В 1940 г. Бухарест оказался в сложном положении. Ощущая опасность, большую часть своих военных сил он выдвинул в Бессарабию и Буковину (самая большая часть румынских войск сосредото-

лась именно в ней). С точки зрения СССР, неудачный ход советско-финской войны дал неоправданный оптимизм румынам в начале 1940 г. Румынский король Кароль 6 января в Кишиневе заявил, что если Финляндия с населением 3 млн человек может успешно противостоять СССР, тогда и Румыния с населением 19 млн человек тоже способна на это, более того, она может еще «освободить» румын, проживающих в СССР. Он также заявил, что румынская армия может дойти до Москвы¹⁵.

У Венгрии в начале 1940 г. еще не было намерения сотрудничать с СССР для осуществления ревизионистских планов. Премьер-министр страны граф Пал Телеки в январе 1940 г. написал письмо министерствам иностранных дел Франции и Англии, в котором известил западные страны, что Венгрия имеет территориальные претензии к Румынии. Он заявил, что, если СССР захватит Бессарабию, тогда и Венгрия захватит Трансильванию. Но речь не шла о совместной венгерско-советской акции, Будапешт старался четко дистанцироваться от СССР.

Так, в феврале 1940 г. венгерский посол в Лондоне Дьердь Барца передал дипломатическое письмо главе британского МИДа лорду Галифаксу. В нем говорилось, что Венгрия никоим образом не проводит совместную военную акцию с СССР¹⁶. Из дневника итальянского министра иностранных дел графа Чано известно, что граф Телеки заявил 25 марта в Риме, что он никогда не будет сотрудничать с СССР, даже против Румынии, поскольку такое сотрудничество «открыло бы дорогу большевизму в Европу»¹⁷.

В апреле Румыния обратилась к Германии с просьбой, чтобы та гарантировала сохранение ее границ, но Берлин отказал ей. Такие же просьбы о военном сотрудничестве неоднократно повторились в мае, но Берлин даже после заключения германо-румынского «нефтяного пакта» в мае 1940 г., соблюдая секретный протокол договора о ненападении между Германией и СССР, посоветовал румынам урегулировать сначала румынско-советские отношения. Весной начиналась эвакуация промышленности Бессарабии¹⁸.

Летом 1940 г. венгерская и советская дипломатии стали сотрудничать теснее в связи с усилением давления со стороны СССР на Румынию. 23 июня Молотов заявил немецкому послу Шуленбургу, что «решение бессарабского вопроса не терпит дальнейших отлагательств» и Румыния должна уступить СССР не только Бессарабию, но и Северную Буковину, которая, по мнению Молотова, «является последней недостающей частью единой Украины». 25 июня Германия признала «права Советского Союза на Бессарабию». В тот же день Молотов предъявил ноту румынскому правительству с требованием

уступить Бессарабию и Северную Буковину Советскому Союзу в течение 24 часов¹⁹. 28 июня Румыния передала эти территории СССР.

Уже 29 июня посол Венгрии в СССР Йожеф Криштоффи выразил большое удовлетворение заместителю министра иностранных дел В.Г. Деканозову по поводу акций СССР против Румынии¹⁹. Однако не вся венгерская политическая верхушка восприняла переход Бессарабии и Северной Буковины к СССР как позитивное событие. Сам регент Хорти считал, что занятие Северной Буковины Советским Союзом представляет опасность для Венгрии²¹.

После бессарабских событий начинается движение венгерской военной машины. 200-тысячная венгерская армия двинулась к венгерско-румынской границе, однако Германия не была заинтересована в возможной войне. Риббентроп заявил, что Берлин против всякой военной акции в отношении Трансильвании, а 1 июля добавил, что венгерские требования можно решить мирным путем. Хотя венгерское правительство не исключало возможной войны для решения трансильванского вопроса, но в конце концов было принято решение, что это дело будет решено путем мирных переговоров с Румынией при посредничестве Германии и Италии²². В июле Будапешт уже рассчитывал на поддержку СССР в решении трансильванского вопроса, а Румыния искала помощи у Германии (Бухарест в начале июля попросил Германию, чтобы она гарантировала сохранение границ Румынии)²³.

1 июля МИД Венгрии дал указание Й. Криштоффи, чтобы он встретился с В.Г. Деканозовым и поинтересовался у него, может ли СССР повлиять на Югославию в случае венгерско-румынского вооруженного конфликта²⁴. 3 июля венгерский МИД хотел узнать у посла в Москве, какая реакция была бы у СССР в случае венгеро-румынской войны. На следующий день посол Криштоффи писал, что Молотов принял его 4-го вечером. Криштоффи «обо всем известил его относительно ситуации между Венгрией и Румынией», и Молотов «отнесся к этим известиям с пониманием», но, по его словам, СССР не может влиять на политику Югославии²⁵.

Из телеграммы, отправленной В.М. Молотовым 5 июля Н.И. Шаронову, представителю СССР в Венгрии, известна позиция В.М. Молотова в отношении венгерско-румынского конфликта. Нарком иностранных дел написал, что ответил венгерскому посланнику следующее: советское правительство считает свои отношения с Венгрией нормальными, у СССР нет никаких претензий к этой стране, а ее претензии к Румынии имеют под собой основания. В.М. Молотов заявил, что СССР такого мнения будет придерживаться в случае созыва международной конференции по данной проблеме²⁶.

К концу июля венгерское руководство было готово решить трансильванский вопрос военным путем и хотело получить от Кремля не только политическую, но и военную поддержку. 23 июля венгерский министр иностранных дел Иштван Чаки передал следующие просьбы посланнику в Москве:

- поскольку переговоры с румынами идут плохо, велика вероятность войны. Просьба, чтобы в этом случае СССР не позволил румынским войскам перейти в Трансильванию;

- просьба, чтобы советская печать была на стороне Венгрии в случае венгерско-румынского конфликта;

- просьба, чтобы СССР срочно продал военные самолеты Венгрии²⁷.

У Венгрии были причины для беспокойства, ведь румынская армия была мощнее венгерской. По мнению генерала Гезы Лакатоша, Венгрия в случае войны с Румынией потерпела бы поражение, потому что у нее не было достаточно ВВС²⁸.

В.М. Молотов на эти просьбы дал неоднозначный ответ, тем не менее поддержал венгерские устремления. Сообщение Й. Криштоффи в Будапешт было следующим: советская сторона считает, венгерские требования легитимными. СССР поддерживает Венгрию, но какие именно шаги предпринимает, неизвестно. Советская печать не будет поддерживать никого, а в настоящее время СССР вряд ли может продавать самолеты Венгрии. Молотов считает, что Великая Румыния не идеальна, она существует в ущерб интересам СССР, Болгарии и Венгрии²⁹.

По всей видимости, советская агентура не проявляла большого интереса к событиям вокруг Трансильвании, однако Румыния по-прежнему волновала, поскольку на ее территории появились германские военные силы.

После провала румыно-венгерских переговоров в Турну Северине 24 августа Венгрия и Румыния были на грани войны, даже была назначена дата начала венгерских военных действий (28 августа). Но благодаря итальянской и германской дипломатии 30 августа 1940 г. решением Второго венского арбитража Венгрия все-таки мирным путем вернула Северную Трансильванию (43 тыс. кв. км, 2,6 млн населения, которое, по данным венгерской переписи 1941 г., включало 51 % венгров и 42 % румын)³⁰.

После объявления решения Второго венского арбитража не только глава МИД Румынии Маноилеску потерял сознание, но и венгерский премьер Пал Телеки – на обратном пути, в поезде. Он, по сообщению редактора Венгерского радио Пала Хлатки, сказал про-

роческие слова: «Северная Трансильвания лишь на короткое время вернется к Венгрии, а после войны мы снова потеряем ее»³¹.

Но Советский Союз не удовлетворило решение Второго венского арбитража. 31 августа немецкий посол в Москве В. фон Шуленбург известил В. М. Молотова о решении арбитража в пользу Венгрии. В.М. Молотов ответил, что Германия этим нарушила соглашение с СССР, где говорится о консультациях по делам, касающимся обеих сторон³². Будапешт через месяц узнал о том, что Москва не довольна достигнутым без ее участия решением. 3 октября венгерский посол в Москве отправил строго секретный доклад в Будапешт. В нем он писал, что по секретному каналу поступило известие о том, что Советский Союз недоволен Германией, поскольку раздел Румынии (Трансильвании) состоялся без участия СССР³³.

Советская агентура более внимательно следила за Венгрией с начала 1941 г., когда начиналась подготовка к военной агрессии против СССР. Судя по донесениям, советское руководство было хорошо информировано о положении венгерской армии. В известных советских донесениях речь вообще не шла о Трансильвании, т. е. вопрос о ее территориальной принадлежности, по-видимому, был Кремлю не важен. Об этом свидетельствуют и дальнейшие события - уже вокруг подготовки к вступлению в войну против Советского Союза. Естественно, что Румыния имела претензии к СССР из-за Бессарабии, однако у Венгрии не было подобных территориальных споров.

Тем не менее, 26 июня 1941 г. Венгрия объявила войну СССР, несмотря на то, что советское руководство обещало поддерживать ее в трансильванском вопросе, если она останется нейтральной. Еще весной 1941 г. советская сторона сделала важные для Венгрии жесты (например, вернула венгерские знамена, которые стали трофеями российской армии в 1849 г.). К сожалению, прагматические соображения были проигнорированы. Причины - традиционный сервильизм венгерской элиты, идеологические противоречия с СССР. Поводом для вступления в войну послужила бомбардировка города Кашша (ныне Кошице) неизвестными самолетами. До сих пор существует несколько версий по этому поводу и неизвестно, кто бомбил город - советские самолеты (по ошибке) или немецкие самолеты (с целью провокации, чтобы вовлечь Венгрию в войну). Регент Хорти считал, что Кашшу бомбили именно немецкие самолеты.

Конечно, СССР не простил Венгрии такого шага. Уже летом 1942 г. бывшим венгерским подданным Белой Гейгер была составлена секретная записка о планах Венгрии, в которой венгерские территориальные претензии он называет «империализмом», служащим для целей только венгерской верхушки³⁴.

В 1944 г., после перехода Румынии на сторону союзников, было принято решение, что Северную Трансильванию после войны надо отобрать у Венгрии, поскольку эта страна участвовала в фашистской агрессии против СССР.

После войны, на основании документа о румынско-советском перемирии, Венгрия должна была вернуть Румынии всю или большую часть Трансильвании. Однако в 1946 г. между Венгрией и Румынией шли переговоры о том, чтобы некоторые территории, отошедшие к Румынии в 1920 г., все-таки остались в составе Венгрии. Но переговоры ни к чему не привели³⁵. Границы Венгрии после Второй мировой войны были восстановлены по довоенному положению (за исключением трех деревень, отошедших к Чехословакии).

Из сказанного можно сделать некоторые выводы о причинах неудачной попытки режима Хорти осуществить пересмотр границ:

- советское руководство не проявляло интереса к трансильванскому вопросу. Кремль был готов поддерживать ту сторону, которая это заслужила политикой, его устраивающей;

- без поддержки СССР (ныне России) невозможно достичь территориальных изменений в Центрально- и Восточноевропейском регионе. Та страна, которая без согласия России хочет изменить границы, потерпит поражение. Я думаю, это урок истории и для Венгрии, и для Румынии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Erdély története. Második kötet. 1606-tól 1830-ig. Harmadik kiadás. Bp. 1988. 978; Recensământul general al populației României 1930. Vol. II. Neam, limbă maternă, religie. București 1938. P.8-9, 58-59, 84-85, 130-131, 134-135, 290-291, 316-317, 394-395, 468-469, 476-477.

2. Köztes-Európa 1763–1993. Térképgyűjtemény (Összeállította Pándi Lajos). Bp. 1997. 312.

3. Seres Attila. Magyar-szovjet tikos tárgyalások Genovában 1922-ben. Bánffy Miklós magyar külügyminiszter feljegyzései // Fons 2001/3. 401-404.

4. Seres Attila. Magyar-szovjet gazdasági kapcsolatok 1920-1941. Bp. 2010. 69.

5. Köztes-Európa 1763–1993. Térképgyűjtemény (Összeállította Pándi Lajos). Bp., 1997. 486.

6. Военная разведка информирует: январь 1939 – июнь 1941. Документы. М., 2008. С. 31.

8. Там же. С. 33, 35.

9. Там же. С. 35.

10. *Назария С.* Вторая мировая война: генезис, ход, итоги. Кишинев, 2010. С. 322.
11. Военная разведка информирует: январь 1939 – июнь 1941. С. 83.
12. Там же. С. 119.
13. Год кризиса 1938-1939. М., 1990. Док. № 603; *Назария С.* Вторая мировая война: генезис, ход, итоги. С. 76.
14. Военная разведка информирует: январь 1939 – июнь 1941. С. 217; *Назария С.* Вторая мировая война: генезис, ход, итоги. С. 323.
15. Там же. С. 208, 213.
16. Там же. С. 226.
17. *Zeidler Miklós.* A revíziós gondolat. Pozsony, 2009. 280.
18. *Horthy Miklós.* Emlékirataim. Bp., 2011. 244.
19. Военная разведка информирует: январь 1939 – июнь 1941. С. 292; *Назария С.* Вторая мировая война: генезис, ход, итоги. С. 323.
20. *Назария С.* Вторая мировая война: генезис, ход, итоги. С. 324-325.
21. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. Документы. 1940-1946. М., 2000. С. 44.
22. *Horthy Miklós:* Emlékirataim. Bp., 2011. 244.
23. *Zeidler Miklós:* A revíziós gondolat. Pozsony, 2009. 281.
24. *Zeidler Miklós:* A revíziós gondolat. 281.
25. *Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához.* Bp., 1982. 255.
26. *Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához.* 266-268.
27. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. С. 46.
28. *Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához 1936 - 1945.* Bp., 1982. 508.
29. *Lakatos Géza.* Ahogy én láttam. Bp., 1992. 41-42.
30. *Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához 1936-1945.* Bp., 1982. 519.
31. *Köztes-Európa 1763–1993. Térképgyűjtemény (Összeállította Pándi Lajos).* Bp., 1997. 486.
32. *Zeidler Miklós.* A revíziós gondolat. Pozsony, 2009. 282.
33. Трансильванский вопрос. Венгерско-румынский территориальный спор и СССР. С. 83-86.
34. *Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához 1936 - 1945.* Bp., 1982. 636.
35. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. С. 165-173.
36. *Vida István.* Két fontos új dokumentum a Nagy Ferenc vezette magyar kormányküldöttség 1946. áprilisi moszkvai látogatásáról // *Külügyi Szemle* 2002/3. 149-167.

Петр ШОРНИКОВ

СОСТОЯЛОСЬ ЛИ НАКАЗАНИЕ РУМЫНСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ?

В годы Второй мировой войны Румыния приняла участие в агрессии против СССР, ее войска вместе с немецкой армией дошли до Сталинграда и предгорий Кавказа, а румынская администрация проводила политику геноцида, разорила и разрушила экономику Молдавии и ряда областей Украины. Свержение 23 августа 1944 г. фашистской диктатуры в Румынии не означало, что румынские военные преступники будут освобождены от ответственности. Соглашение о перемирии между Румынией и странами антигитлеровской коалиции, подписанное 12 сентября 1944 г. в Москве, включало пункт о наказании румынских военных преступников. Бухаресту была предоставлена возможность провести денацификацию общества собственными силами.

Наказание военных преступников представляло собой не только акт справедливого возмездия. Его осуществление самими румынами являлось условием антифашистского сплочения населения Румынии и мобилизации сил на освобождение Трансильвании и других областей страны, остававшихся под контролем нацистов. Вопрос заключался в том, смогут ли левые силы Румынии реализовать эту возможность.

Румынские военные преступники: попытка персонификации

Кого, собственно, следовало признать военными преступниками? Румынскими войсками, с конца августа 1944 г. сражавшимися плечом к плечу с частями Красной армии, командовали генералы и офицеры – участники войны против России. Винить их за недавнее участие в боях против советских войск было не время. Но это обстоятельство не означало прощения тех из них, кто совершил военные преступления и преступления против человечности. К числу военных преступников, как показала деятельность Нюрнбергского трибунала, следовало относить весь круг лиц, виновных в планировании и ведении агрессивной войны, в политике геноцида и террора, в разорении экономики и уничтожении социальной инфраструктуры оккупированной территории.

Кроме самого Антонеску и членов его правительства, а также руководителей карательных служб, к их числу следовало отнести ко-

мандующих, офицеров и солдат, повинных в актах геноцида, террора и грабежа, в жестоком обращении с населением оккупированной территории СССР, персонал сигуранцы (политическая полиция), военной контрразведки ССИ и других специальных служб и, разумеется, полицейских и жандармов. То есть имелись основания объявить преступными организациями Генеральный штаб румынской армии, ответственный за планирование и ведение захватнической войны, а также министерство внутренних дел – особенно его Генеральное управление государственной безопасности (сигуранцу) и жандармерию, военную контрразведку и действовавшие на оккупированной территории судебные органы.

Какова была хотя бы примерная численность румынских военных преступников? Как показало судебное разбирательство преступлений представителя низового звена оккупационного аппарата, жандарма 8-го жандармского батальона Николае Берташа, «служившего» в селе Павловка Гросуловского района Одесской области, жандармская служба заключалась в повседневных избиениях, арестах и грабежах крестьян. 24 апреля 1946 г. военный трибунал приговорил палача к 20 годам лишения свободы¹.

Были основания для индивидуального наказания минимум 5 тыс. «сельских» жандармов «Транснистрии», такого же по численности жандармского персонала Бессарабии и около 1 тыс. жандармов Северной Буковины.

На цифру, исчисляемую тысячами преступников, вышел и молдавский автор Алекс Гэинэ, предпринявший попытку поименно назвать румынских военных, жандармов, полицейских и их местных пособников, совершивших преступления на территории Молдавии. Первыми он называет маршала Иона Антонеску, губернатора «Транснистрии» (Буго-Днестровского междуречья) профессора Георге Алексяну, командующего армией Петре Думитреску, командующего военным округом генерала Николае Чуперкэ. Затем следует длинный, но, по признанию автора, далеко не полный список заведомых убийц, совершивших злодеяния в Кишиневе, среди которых – комендант гетто полковник Думитреску, председатель трибунала Василиу, судья Погоча, военный прокурор Кирулеску, начальник тюрьмы Тудосе, десятки жандармских и армейских офицеров, следователей-садистов, рядовых жандармов. Подобные списки составлены автором по городам Бельцы и Тирасполь и ряду сельских районов Молдавии².

Арест и предание суду жандармов и сотрудников других репрессивных служб режима Антонеску, совершивших преступления на оккупированных территориях (в общей сложности более 20 тыс. чел.), были бы оправданны с нравственной и правовой точки зрения и не

противоречили принципу индивидуализации наказания. Но позицию Москвы в вопросе о наказании румынских военных преступников определял лозунг «Все для фронта, все для победы!». Он стал ключевым положением политики широкого компромисса, проводимой и коммунистами Румынии. Ни одна служба режима Антонеску не была объявлена преступной организацией. В тактическом плане мера себя оправдала. Почти все их сотрудники уже осенью 1944 г. переключились на обслуживание новой власти. Но возможность наказать подавляющее большинство румынских военных преступников была упущена.

В списке А. Гэинэ немало фамилий местных жителей – молдаван и лиц со славянскими фамилиями. Службу в румынской армии, полиции, гражданской администрации тех из них, кто накануне войны проживал в Советской Молдавии, советские суды были вправе трактовать как государственную измену и выносить им самые суровые приговоры. Однако к моменту освобождения Молдавии суровая правоприменительная практика первых лет войны, согласно которой наказанию подлежали все лица, работавшие в оккупационных учреждениях, была в СССР смягчена. Отправка на фронт в составе в штрафных подразделений была предусмотрена только для полицейских и лиц, включенных в состав вермахта и других вооруженных формирований противника, если за ними не было выявлено конкретных преступных деяний против населения или партизан. Подлежала расследованию деятельность более 2 тыс. примаров – местных администраторов, осуществлявших также политический надзор за населением. Удалось ли воздать по заслугам пособникам оккупантов?

Наказание немецких военных преступников и пособников врага. Кишиневский процесс 1947 г.

В октябре 1943 г. министры иностранных дел Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Советского Союза подписали Московскую декларацию, в которой было указано, что после прекращения военных действий лица, ответственные за военные преступления, должны быть переданы государству, на территории которого эти преступления были совершены, и осуждены в соответствии с законами данного государства³. Начиная с 1943 г. в СССР были проведены судебные процессы над немецкими военными преступниками и их пособниками в Краснодаре, Харькове, Минске, Севастополе, Смоленске, Риге, других городах. Советский Союз был вправе требовать выдачи румынских военных преступников. Но проведение подобных процессов в Кишиневе и областных центрах Украины - Одессе и

Черновцах - лишило бы смысла большинство процессов над военными преступниками, проходившими в Румынии. С проведением суда в Кишиневе Москва явно медлила.

Для этого были и объективные причины. Румынская администрация бежала за Прут весной 1944 г., когда приблизился фронт. Функционеры оккупационного аппарата из числа местных жителей были вправе ожидать содействия Румынского государства в эмиграции. Однако правительство Антонеску, запретив в январе 1944 г. «эвакуацию» населения оккупированных территорий в Румынию, не сделало исключения и для своих пособников и по существу передало их в руки НКВД и военных трибуналов Красной армии⁴. Немало коллаборационистов все же бежало в Румынию и далее – на Запад. Но часть их осталась на месте. В Дубоссарах контрразведка СМЕРШ арестовала и предала суду 11 изменников, причастных к массовым убийствам евреев в сентябре 1941 г. и к выдаче на расправу коммунистов-молдаван, русских, украинцев. Это были примар города А.И. Деменчук, его заместитель Ф.Ф. Канцевич, шеф полиции И.М. Витез, примар села Коржево Х.А. Студзинский, примар села Лунга И. Грекул и пять полицейских. В мае 1945 г. их судили и, за исключением примара, приговорили к различным срокам тюремного заключения. Деменчук был расстрелян⁵. Население Молдавии охотно выдавало пособников оккупантов. Тех из них, кто был уличен в совершении конкретных преступлений, привлекали к суду, как правило, приговаривая к принудительным работам и поражению в правах.

Особых проблем с розыском военных преступников не возникло и в Румынии. В сентябре 1944 г. королевское правительство передало советской стороне архив Специальной разведывательной службы Президиума Совета министров Румынии (ССИ) и сигуранцы, раскрывавший их кадры и агентуру. Место, где скрывался один из главных военных преступников, генеральный директор ССИ генерал Еуджен Кристеску, указали властям лидеры «исторических» национал-царанистской и национал-либеральной партий Юлиу Маниу и Ион Михалаке⁶. Контрразведка СМЕРШ уже к середине ноября 1944 г. выявила и арестовала в Румынии 47 сотрудников и 12 резидентов немецкой и румынской разведок, 180 агентов немецкой разведки, 9 агентов венгерской разведки и 546 агентов румынских спецслужб – всего 794 чел.⁷ Были взяты под стражу и отправлены в СССР также 99 русских белоэмигрантов, подозревавшихся в сотрудничестве с немецкими спецслужбами⁸. Аресты продолжались и в дальнейшем, но политическим сыском советские спецслужбы в Румынии не занимались. В стране проживали глава правительства Молдавской Народной Республики 1917-1918 гг. Пантелеймон Ерхан

и более 20 бывших членов ее законодательного собрания – Сфатул Цэрий, но никто из них не был даже задержан.

Возможности наказания военных преступников и пособников врага адекватно совершенным ими преступлениям становилось меньше. 26 мая 1947 г. был издан Указ Президиума ВС СССР «Об отмене смертной казни», которым это наказание было признано не применяющимся в мирное время. И только после этого, 6 декабря 1947 г., был начат судебный процесс над фашистскими преступниками в Кишиневе.

Были приняты меры для того, чтобы судебное разбирательство не спровоцировало в Молдавии обострения «антирумынских» страстей. Главными подсудимыми оказались немцы: военный комендант и начальник гарнизона Кишинева генерал-майор немецкой армии Станислаус фон Девиц-Кребс, обер-лейтенант Х.Клик, зондерфюрер В. Гайсельгардт. Совсем замолчать преступления румынской полиции (но не армии!) было невозможно, и к ответственности были привлечены некоторые второстепенные преступники-румыны: полковник Д. Мариною, офицеры румынской жандармерии капитан А. Бугнару, лейтенанты И. Журя, И. Деметриан, Р. Шонтя, В. Маринаш, П. Шувар. На скамье подсудимых отсутствовали румынские функционеры, нанесшие населению Молдавии наибольший ущерб: бывшие губернаторы Бессарабии Константин Войкулеску и Олимпиу Ставрат, жандармский генерал Иоанн Топор, в 1941 г. руководивший концентрацией, расстрелами и депортацией евреев из Бессарабии за Днестр («curățarea teritoriilor»), командиры Кишиневского областного инспектората полиции и жандармерии Павел Епуре и Теодор Мекулеску, коменданты гетто, тюрем и концлагерей, префекты уездов, офицеры и жандармы, повинные в пытках и массовых убийствах.

Генерал Девиц-Кребс был обвинен в том, что в течение трех месяцев пребывания на посту военного коменданта Кишинева (29 мая – 21 августа 1944 г.) лично руководил массовыми убийствами (более 2 000 чел.), истязаниями и ограблениями жителей города, военнопленных, приказывал принудительно направлять их на строительство оборонительных укреплений, а также во взрыве и уничтожении трамвайного парка, хлебопекарен, водопровода, жилых кварталов города. Полковник Д. Мариною обвинялся в организации массовых убийств жителей Молдовы, Черновицкой области, г. Бердянска, Крыма, разграблении нескольких монастырей, в том числе Цыганештского, а также в том, что принимал во всем этом личное участие. Командир жандармского батальона Бугнару и его подчиненные Журя, Деметриан, Шонтя, Маринаш, Шувар были обвинены в том, что во время поиска советских партизан они арестовывали и подвергали пыткам жителей сел центральной части Молдовы и Одессы. Зондерфюрер

Гайсельгардт с помощью немецких солдат доставил в село Ново-Князевка из Украины более 300 жителей, создал там трудовую колонию, а при отступлении почти всех рабочих выслал в Германию и ограбил жителей села. Общий ущерб, нанесенный различным учреждениям Кишинева, исчислялся в 1 383 345 000 рублей, жителям Кишинева – в 206 887 546 рублей.

Обвиняемые признали совершенные преступления, но свои действия объяснили традиционным у нацистских преступников образом: выполнением приказа. Учитывая характер преступлений, совершенных подсудимыми, все они, конечно, заслуживали высшей меры наказания. Однако военным трибуналом С. фон Девиз-Кребс, Х. Клик, В. Гайсельгардт, Д. Мариноу, Р. Шонтя, А. Бугнару, И. Журя, И. Деметриан были приговорены к 25 годам исправительно-трудовых лагерей каждый, а П. Шувар и В. Маринаш – к 20 годам⁹.

Конечно, обвиняемые заслуживали более сурового наказания. Но обсуждение этого вопроса в печати и даже пропагандистское использование оглашенных на суде фактов злодеяний румынских оккупантов допущены не были. Более того, до середины 60-х гг. оказалась блокирована и научная разработка проблематики политики Бухареста на территориях СССР, оккупированных в годы войны румынскими войсками. Курс на забвение и прощение военных преступлений, принятый Москвой, впоследствии обернулся крупными политическими издержками¹⁰.

Однако политический режим в Румынии эволюционировал влево. Накануне 1948 г. король Михай отрекся от престола, к власти в стране пришли коммунисты. Осенью 1948 г. в Бухаресте были арестованы и переданы советским властям редакторы выходивших в годы оккупации кишиневских газет «Басарабия» и «Раза» – священники Серджиу Рошка и Василе Цепордей. Почему-то только в 1950 г. был взят под стражу бывший редактор журнала «Вяца Басарабией» Пантелеймон Халиппа. Редакторы были признаны виновными в ведении фашистской пропаганды, в обосновании политики террора и геноцида, но лично они никого не убили. Наиболее сложным было положение Халиппы, в 1918 г. – председателя Сфатул Цэрий. Тогда же были взяты под стражу и некоторые другие члены этого органа, помогавшие в 1917-1918 гг. королевскому правительству политически обосновать акт аннексии Бессарабии: Думитру Чугуряну (в румынской литературе – Даниел)¹¹, Иоан Пеливан¹², Герман Пынтя. В 20-30-е гг. бывшие «сфатулисты» участвовали в движении бессарабских регионалистов, критиковали политику Бухареста в Бессарабии и являлись авторами исторических работ, статей и мемуаров, утверждавших молдавскую национальную самобытность. Некоторые из них помогали издавать

газеты на русском языке¹³. Поэтому советская сторона не была заинтересована в вынесении им суровых приговоров. Цепордей отбыл 7 лет заключения, а Рошка – 4 года. Халиппу в течение двух лет держали в румынской тюрьме, затем передали властям СССР. Но в Кишиневе не стали устраивать публичный политический процесс. Халиппу приговорили к 25 годам принудительных работ и возвратили в Румынию. Там он отбывал наказание в тюрьме Аюд и уже в 1957 г. был освобожден досрочно. Г.Пынтя, бывший в 1941-1944 гг. примаром оккупированной Одессы, смог доказать свою непричастность к актам геноцида. Он был приговорен к 10 годам тюремного заключения, но уже 3 года спустя его амнистировали. Тогда же, в 1955 г., в СССР был освобожден бывший супрефект Березовского уезда «Заднестровья» молдаванин А.Н. Смокинэ, первоначально приговоренный к 25-летнему заключению¹⁴.

Однако бессарабские регионалисты четверть века участвовали в политической жизни Румынии и многое знали о румынских политиках. Это было опасное знание. Офицер ССИ Думитру Богос, в прошлом член Сфатул Цэрий и примар Кишинева, осенью 1944 г. продолжил службу в контрразведке румынских войск, сражавшихся против нацистов. Но 14 мая 1946 г., во время суда над главными румынскими военными преступниками, он умер в Бухаресте в возрасте 58 лет¹⁵. Обстановка в стране оставалась напряженной, был похищен и убит даже бывший генеральный секретарь Коммунистической партии Румынии Стефан Фориш. Однако сомнения в естественном характере смерти Богоса породили методы, которыми преследовали в Румынии бессарабцев, обвинявшихся в коллаборационизме. 7 мая 1950 г., менее чем через двое суток после ареста, скончался другой «сфатулист» - Д.Д. Чугуряну. В свои 65 лет он был вполне здоров. В тюремном акте о его смерти указано, что Чугуряну умер 5 мая в 9 часов утра, т. е. за 15 часов до ареста. Анализируя материалы МВД, румынский исследователь обоснованно заключил, что имело место убийство¹⁶. Вероятно, Чугуряну отравился, отведав продуктов из сухого пайка, выданного ему в дорогу в тюрьме Аюд. Штефан Чобану, также бывший член Сфатул Цэрий, при Кароле II состоял в Тайном совете и 28 июня 1940 г. требовал объявить Советскому Союзу войну. Но он был членом Румынской академии, и его арест мог повлечь политические издержки. Очень вовремя, в ноябре 1950 г., 67-летний историк скончался¹⁷. Автор трудов по истории средневековой Молдавии член-корреспондент Румынской академии Георгий Безвиконный, выходец из казаков, в политической жизни не участвовал. Тем не менее, он лишился средств к существованию и вынужден был зарабатывать на жизнь сторожем на бухарестском кладбище Беллу¹⁸.

«Первый молдавский националист» Ион Пеливан мог быть при-

влечен к ответственности за некоторые свои поступки в 1918 г. Но в 20-30-е гг. он выступил как автор исторических работ, подтверждающих национальную самобытность молдавского народа. Тогда же румынская спецслужба выяснила, что до 1918 г. он сотрудничал с российской разведкой¹⁹. Советская сторона по существу подтвердила подозрения на этот счет. В тюрьме Аюд И.М. Пеливана навещали офицеры контрразведки советских войск, дислоцированных в Румынии, причем обращались с ним как с уважаемым коллегой. «Допросы» они проводили за обильно накрытым столом в кабинете начальника тюрьмы либо прогуливаясь с Пеливаном по тюремному парку. В других местах заключения тюремщики обращались с Пеливаном грубо, морили его голодом. Смерть 78-летнего старика в 1954 г. в тюрьме Сигет, скорее всего, была следствием естественных причин, но она вызвала «набег» команды советских контрразведчиков и врачей. Видимо, советская контрразведка заподозрила румынских коллег в ликвидации много знавшего деятеля. С «мерами» спецслужбы Чаушеску связывает гибель Германа Пынти современный молдавский автор: «В мирном 1967 году [Пынтя] зашел в кафе, заказал чашку кофе, выпил – и упал замертво»²⁰.

Был уничтожен виднейший деятель русской культуры в Румынии, популярный певец-эмигрант Петр Лещенко. В начале 1951 г. он добился разрешения правительства СССР возвратиться на Родину и успел устроить прощальный ужин. Однако в марте Петр Константинович был арестован в Брашове, причем – в расчете на пропагандистский эффект – во время концерта. Подозрение в участии Лещенко в гражданской войне, его служба в румынской армии (он занимался в тылу снабжением офицерских столовых), гастроль в оккупированной Одессе не могли быть основанием для репрессий. Судя по воспоминаниям его гражданской жены Веры Белоусовой, певец так и не узнал, за что он, собственно, наказан. 16 июля 1954 г. в возрасте 56 лет Петр Лещенко умер в тюремной больнице в Бухаресте. По другим данным, он скончался в тюрьме Тыргу-Окна. Сестру известили о его смерти только в 1956 г., когда должен был закончиться срок его заключения. В 1952 г. была арестована и передана советской стороне и Вера Белоусова. Ее брак с эмигрантом и отъезд за границу суд расценил как измену Родине и приговорил к 25-летнему тюремному заключению²¹, однако вскоре она была освобождена. Причины ареста Петра Лещенко неизвестны и поныне²².

Смертный приговор, правда, в отсутствие обвиняемого, был вынесен в Румынии только одному молдаванину – митрополиту Виссариону Пуу, в 1942-1943 гг. служившему в Одессе. Заочную суровость Народного трибунала можно объяснить тем обстоятельством, что в

конце 1944 г. о. Виссарион вошел в состав марионеточного «правительства Румынии в эмиграции», созданного в Вене главой «Железной гвардии» Хорией Симой. На деле этот приговор только повысил политический вес эмигранта на Западе. Ни Юлиу Скрибан, предшественник Виссариона на посту главы Румынской церковной миссии в «Транснистрии», ни его преемник Антим Ника, ни бывший глава Бессарабской епархии Ефрем Тигиняну, более чем Виссарион Пую повинные во вторжении Румынского патриархата на каноническую территорию Русской православной церкви и в ведении антисоветской пропаганды, не были даже привлечены к следствию.

Публикации румынских авторов полны обличений сурового режима, существовавшего в румынских тюрьмах времен народной демократии и «эпохи Чаушеску». Судьба Петра Лещенко и многих других политических заключенных, о которых будет сказано далее, подтверждает справедливость их утверждений. Но здоровья нацистских пропагандистов, на сотрудничество с которыми национал-коммунистический режим имел свои виды, тюремное заключение не подорвало. В 60-е гг. Пан. Халиппа стал советником Николае Чаушеску по «бессарабским вопросам», был избран членом-корреспондентом Румынской академии, работал над мемуарами, продолжил литературную деятельность. Скончался он в возрасте 95 лет²³. Н. Рошка умер в 2000 г., дожив до 88 лет, а В. Цепордей эмигрировал в Германию и умер в 2002 г., отметив свое 90-летие.

Поскольку работа в оккупационном аппарате сама по себе преступлением не считалась, широких репрессий против коллаборационистов в Молдавии не последовало. Однако проживание в республике большой группы лиц, служивших врагу, руководство МССР сочло политически обременительным. В число 11 617 глав семей, высланных 6 июля 1949 г. из Молдавии, были включены 3665 «активных пособников немецких оккупантов, лиц, сотрудничавших с немецкими и румынскими органами полиции, участников профашистских партий и организаций». В эту же категорию включили незначительное число «белогвардейцев и участников нелегальных сект»²⁴. В Молдавии коллаборационисты все же были наказаны.

Наказание румынских военных преступников

Привлечение к суду военных преступников в Румынии целесообразно оценивать исходя из правовых норм, установленных Международным трибуналом, судившим главных немецких военных преступников в Нюрнберге. Нюрнбергский трибунал делал различие между четырьмя видами преступлений:

1. Заговор: обвиняемые подготовили и осуществили план с целью захвата абсолютной власти и действовали в полном согласии в целях совершения последующих преступлений;

2. Преступления против мира: обвиняемые преступили статью 34 международного законодательства в 64 серийных случаях, вели захватническую войну;

3. Военные преступления: обвиняемые отдавали приказы или допускали массовые убийства или пытки, порабощение миллионов людей или отдавали приказы об общем ограблении;

4. Преступления против человечности: обвиняемые преследовали политических противников или расовые или религиозные меньшинства. Они уничтожали целые этнические сообщества.

В принципе этим пунктам соответствовали уже положения Соглашения о перемирии между Румынией и антигитлеровской коалицией, подписанного 12 сентября 1944 г. в Москве, и решения, принятые полгода спустя в Ялте по вопросу об обращении с побежденной Германией. Соглашение предусматривало наказание румынских военных преступников, роспуск фашистских и пронацистских организаций и предупреждение воссоздания таковых. Однако на исполнение решений о наказании фашистских преступников в Румынии повлияла политическая специфика этой страны. Официальные партии румынских нацистов «Железная гвардия» и партии А.К. Кузы и О. Гоги были упразднены еще в начальный период Второй мировой войны, и к моменту свержения диктатуры Антонеску партии правых радикалов наподобие НСДАП (Германия), фашистской партии (Италия), партии «Скрещенные стрелы» (Венгрия), организации усташей (Хорватия) в Румынии не имелось. Подлинной партией румынских нацистов являлись офицерский и унтер-офицерский корпус армии, персонал полиции и спецслужб, а также государственный аппарат, на протяжении десятилетий комплектовавшиеся по национальному признаку, воспитывавшиеся в духе румынского шовинизма. Можно было – как и произошло на деле – устранить из этих структур наиболее экстремистские элементы, но не избавиться от всего их персонала. Последнее обстоятельство предопределило нерешительный характер политики денацификации Румынии, включая судебное преследование военных преступников.

Даже такие акты денацификации, как отмена шовинистического, дискриминационного для национальных меньшинств законодательства, характерного для фашистского государства, осуществлялись крайне медленно. Первый законодательный акт о привлечении к суду военных преступников, а также лиц, ответственных за катастрофическое состояние страны, был промульгирован только 20 января 1945 г. Военными преступниками были объявлены:

- лица, обращавшиеся в военнопленными и заложниками вопреки установлениям международного законодательства; приказывали или совершали акты жестокости или казни в зонах военных действий;

- лица, которые отдавали приказы или инициировали создание гетто, концентрационных и «трудовых» лагерей;

- осуществляли депортации по политическим или расовым мотивам;

- отдавали приказы или осуществляли коллективные или индивидуальные репрессии, эвакуации или депортации в порядке уничтожения лиц;

- использовали принудительный труд в целях уничтожения. (Государственный закон о наказании военных преступников и Закон о привлечении к ответственности лиц, виновных в Холокосте)²⁵.

То обстоятельство, как были сформулированы и, главное, как интерпретировались эти законы в Румынии, позволило множеству менее важных военных преступников избежать судебного преследования либо отделаться минимальным наказанием. Более того, многие подстрекатели к военным преступлениям – журналисты, литераторы, функционеры двух фашистских партий, отравившие общественное сознание путем распространения фашистской идеологии через средства массовой информации, – не подпадали под действие названных законов. Кроме того, следственные, судебные и иные государственные органы были укомплектованы чиновниками, разделявшими идеологию фашизма. Именно они инициировали принятие, формулировали и применяли антидемократическое, шовинистическое и антисемитское законодательство в 20–30-е гг. и на протяжении 6 лет королевской и фашистской диктатуры (1938-1944 гг.).

Преследование военных преступников сдвинулось с мертвой точки только весной 1945 г., когда к власти в Румынии пришло прокоммунистическое правительство Петру Грозы. 12 апреля 1945 г. был принят Закон №312 «О разоблачении и наказании виновных в разорении страны и военных преступлениях». На основании именно этого закона в мае 1946 г. судили И.Антонеску и других главных румынских военных преступников. Согласно этому закону были установлены две категории виновных:

1. Лица, проводившие политику фашизма, допустившие на территорию Румынии немецкие войска, устно или письменно выступавшие за подготовку военных преступлений;

2. Лица, в различных формах соучаствовавшие в военных преступлениях, а именно:

- принявшие решение объявить войну СССР и Объединенным нациям;

- подвергавшие бесчеловечному обращению военнопленных или заложников;
- отдававшие приказы или совершавшие акты террора, жестокости или подавления в отношении населения территорий, на которых велась война;
- отдававшие приказы или совершавшие коллективные или индивидуальные репрессии с целью преследования гражданского населения по политическим или расовым мотивам;
- отдававшие приказы или организовывавшие принудительные работы или перемещение транспортов лиц с целью их уничтожения;
- коменданты, директора, надзиратели и охранники тюрем, лагерей военнопленных или политических заключенных, лагерей или отрядов принудительного труда, подвергавшие бесчеловечному обращению находившихся в их власти;
- офицеры полиции и всякого рода следователи, применявшие насилие и пытки и всякого рода незаконные средства принуждения;
- прокуроры и судьи, гражданские и военные, способствовавшие или совершавшие акты террора и насилия;
- покинувшие национальную территорию для того, чтобы поставить себя на службу гитлеризму и фашизму, и выступавшие против страны письменно, устно или любым иным образом.

В категорию военных преступников были включены также лица, преступным путем получившие собственность, издавали расистское законодательство в гитлеровском, легионерском или расистском духе или применяли такое законодательство.

Закон предусматривал, что виновные в военных преступлениях могли быть наказаны смертью или пожизненными принудительными работами.

Таким образом, по обвинению в военных преступлениях надлежало привлечь к ответственности три категории лиц, виновных в:

- 1) участию в войне против СССР и союзников;
- 2) бесчеловечном обращении (от принудительного труда до уничтожения) с военнопленными или гражданским населением в зоне военных действий по политическим или расовым мотивам;
- 3) ведении фашистско-легионерской пропаганды.

Последний пункт отсутствует среди критериев привлечения к ответственности, сформулированных на Нюрнбергском процессе. Но именно его наличие в румынском законе позволило наказать журналистов и интеллигентов, идейно поддержавших «Железную гвардию» и режим Антонеску, а также функционеров его пропагандистского аппарата.

На процессе Великой национальной измены (май 1946 г.) были вынесены смертные приговоры самому диктатору, его заместителю

Михаю Антонеску, шефу румынской жандармерии Константину (Пики) Василиу и губернатору «Заднестровья» Георге Алексяну. Они были расстреляны. Генеральный директор Специальной разведывательной службы Президиума Совета министров (ССИ) генерал Еуджен Кристеску, также приговоренный к расстрелу, как выяснилось, в годы войны поддерживал тайные связи с руководством подпольной Коммунистической партии Румынии²⁶; кроме того, он обещал выявить сеть британской разведки в Румынии. По предложению министра юстиции коммуниста Лукрециу Патрашкану смертную казнь бывшему шефу ССИ король заменил на пожизненное заключение. Румынские авторы подозревают, что в 1950 г. Кристеску не умер, а был тайно выпущен на свободу.

Министры, выступавшие на процессе Великой национальной измены свидетелями, были освобождены, но позднее вновь арестованы и в 1949 г. осуждены. В их числе были Ион Петрович, генерал Раду Росетти (министр образования), генерал Георге Потопяну (министр экономики, о котором речь далее), Константин Константинеску (министр труда и путей сообщения), Георге Докан (министр юстиции), несколько десятков генералов полиции и высших чиновников. Не было вынесено ни одного смертного приговора, а тюремные сроки были короткими. Очевидно, поэтому в 1949 г. некоторые из них были привлечены к суду и осуждены повторно. В 1950 г. умерли в заключении генералы Николае Мачич, ответственный за массовые убийства в Одессе, и Николае Чуперкэ.

Наказание военных преступников, признают румынские историки, было в Румынии во многом следствием давления, оказанного правительством СССР. Выявление преступников и сбор доказательств преступных деяний обвиняемых румынская юстиция была склонна возложить на советскую сторону. Часть румынской общественности рассматривала процессы над военными преступниками как антинациональный акт, как попытку иностранцев при помощи их местных помощников отомстить румынским солдатам, сражавшимся за возврат Бессарабии и Северной Буковины в состав Румынии. Уничтожение евреев на этих процессах было второстепенным вопросом, если вообще затрагивалось. О геноциде цыган упоминаний не было. В итоге многие военные, место которым было на скамье подсудимых, продолжали службу и после переворота 23 августа 1944 г.

Генерал Георге Потопяну, руководивший в конце оккупации разграблением промышленности «Транснистрии», в 1944-1945 гг. был министром Румынии. Позднее его арестовали и дважды судили. В 1963 г. Потопяну был помилован и умер на свободе. Генерал Василе Атанасиу в 1941 г. командовал армейским корпусом при вторжении в Бессарабию и при осаде Одессы, а затем - оккупационными во-

йсками в Бессарабии. 20 августа 1944 г. он рассорился с Антонеску, и после переворота был назначен командующим 1-й румынской армией, командовал ею при освобождении Северной Трансильвании, Венгрии, Словакии. Был награжден советским орденом Суворова. К суду Атанасиу не привлекался и умер в 1964 г. в возрасте 78 лет²⁸.

Как специалисты своего дела оказались востребованы жандармы. После перехода Румынии на сторону антигитлеровской коалиции получил генеральское звание бывший префект Дубоссарского уезда полковник Александру Батку, причастный к проведению грабительской «Операции 1111» и мероприятий «выжженной земли». В 1945 г. он был военным комендантом Бухареста. Скончался в 1964 г. в возрасте 72 лет. Ныне он – гордость румынской жандармерии²⁹. Осенью 1944 г. был произведен в генералы также бывший начальник румынской жандармерии в Бессарабии полковник Теодор Мекулеску. Однако он был повинен в терроре, который творили его подчиненные против населения Бессарабии. После войны Мекулеску был отправлен в отставку, предан суду и приговорен к 15 годам строгого режима («темницэ гря»). Однако вскоре был освобожден и поставлен во главе жандармерии – Corpul Gardienilor Publici. Но функционер, занимавший подобный пост на оккупированной территории, был для новых властей все же политически обременителен. В 1948 г. генерал жандармерии был вновь арестован, отдан под суд и после двух лет предварительного заключения приговорен к 8 годам принудительных работ. Через семь лет он вышел на свободу, но в 1960 г. вновь был арестован и за преступления, совершенные «против рабочего класса», т. е. в самой Румынии, осужден на 10 лет тюремного заключения. Однако и этот срок не отбыл. В 1964 г., после прихода к власти Николае Чаушеску, Мекулеску был помилован и освобожден. На склоне лет главный каратель Бессарабии жил безбедно и скончался в возрасте 93 лет. Ныне он также является в Румынии образцом жандармского служения своей стране³⁰. Избежал многократно заслуженного смертного приговора и Иоанн Топор. Однако жандармского генерала подвело здоровье - в 1950 г. он умер в тюрьме. Был осужден также бывший командир Лапушнянского (Кишиневского) легиона жандармов полковник Николае Каракаш. В июле-сентябре 1941 г. он руководил расправами над евреями, а в 1944 г. – операциями против молдавских партизан³¹.

Чрезвычайные государственные комиссии по расследованию злодеяний фашистских захватчиков (ЧГК), созданные в каждом районе Молдавии и Украины, производили эксгумацию жертв массовых убийств, опрашивали население, пытаясь установить фамилии убийц, но жители, как правило, не знали имен и фамилий преступников. Практически не рассматривались мероприятия оккупационных

властей, спровоцировавшие гибель сотен тысяч мирных жителей. Однако в ходе судебных процессов над военными преступниками, проходивших в Румынии, накапливался обвинительный материал и на руководителей оккупационной администрации. Только 22 февраля 1946 г. перед Трибуналом народа в Бухаресте предстал бывший губернатор Бессарабии Константин Войкулеску. За два года его руководства в Бессарабии были уничтожены на месте либо отправлены на смерть в концлагеря «Транснистрии» более 100 тыс. евреев и цыган, а социально-экономические мероприятия румынских властей привели к голоду и распространению вызванных им социальных заболеваний. По этим причинам население Бессарабии (молдаване, украинцы, болгары, русские, гагаузы) сократилось еще на 220 тыс. чел. - 10 % его общей численности³².

Преемник Войкулеску на посту губернатора генерал Олимпиу Ставрат оставался в кадрах армии до 1947 г. В 1948 г. он был все же арестован. Обвинение располагало сведениями о преступлениях, совершенных по его команде солдатами и офицерами 7-й пехотной дивизии в начале войны на севере Буковины и Бессарабии. Назначенный в апреле 1943 г. губернатором Бессарабии, О.Ставрат руководил проведением грабительской «Операции 1111» и мероприятиями «выжженной земли». В его «правление» разрушили около половины строений Кишинева, массово угоняли население, вывозили продовольственные запасы, разрушили систему санитарной безопасности. Эти мероприятия вызвали вспышку эпидемий сыпного и брюшного тифа. Следствием деятельности О.Ставрата явилась гибель от антисанитарии 107 тыс. жителей Молдавии³³. Оба губернатора были приговорены к тюремному заключению. Для Войкулеску оно оказалось пожизненным, в 1955 г. 65-летний генерал умер. Ставрат в том же году был освобожден. Скончался в 1968 г. в возрасте 80 лет.

Народные трибуналы в Бухаресте и Клуже, призванные рассматривать дела о военных преступлениях, были упразднены 28 июня 1946 г. За краткий срок своего существования они рассмотрели дела 2 700 обвиняемых, но осудили всего 668 чел., при этом многим приговоры были вынесены заочно. На долю Бухарестского трибунала, рассматривавшего дела о преступлениях, совершенных на оккупированной территории Советского Союза, пришлось всего 187 приговоров. Клужский трибунал, судивший главным образом венгерских военных, жандармов и функционеров, совершивших преступления против румынского населения Северной Трансильвании, отмечено в заключительном докладе Международной комиссии по исследованию Холокоста в Румынии, не только привлек к ответственности больше военных преступников, но и вынес более суровые приговоры. Иными словами, были допущены двойные стандарты при наказании

военных преступников – румын и венгров: первых карали в меньшем числе и менее сурово. Оба трибунала вынесли всего 48 смертных приговоров, и только 4 из них были приведены в исполнение³⁴.

После 1950 г. началось досрочное освобождение осужденных военных преступников. Последние из них вышли на свободу по амнистиям 1962 и 1964 гг., когда национал-коммунистическому режиму потребовались услуги политических пленников и особенно имевшихся среди них интеллектуалов. Тогда же началась их политическая реабилитация³⁵. На фоне снисходительного отношения «коммунистической» юстиции к жандармам, функционерам контрразведки и политической полиции не находит объяснения ее непреклонность к военным. В 1950-1955 гг. в заключении скончалось около 80 генералов румынской армии. Никто из них не был осужден несправедливо. Тем не менее, ныне румынская историография и публицистика представляют их «элитой» румынской армии, жертвами «русских и коммунистов». В общественное сознание последовательно внедряется мнение, что коммунистами в Румынии были главным образом евреи, венгры и русские.

Уклонение официального Бухареста от преследования массы лиц, совершивших военные преступления на территории СССР (в Молдавии, на Украине, в Российской Федерации) только в 1944-1945 гг., может быть объяснено соображениями политической целесообразности и противодействием антикоммунистических сил Румынии. Политические репрессии в стране носили широкий характер. Всего за период 1945-1964 гг. по делам о безопасности государства были привлечены к следствию 107 294 чел., из которых осуждены 73 310 чел., а 18 455 - оправданы³⁶. Буржуазная оппозиция была сломлена уже в первые годы народной демократии. Тем не менее, наказание военных преступников в Румынии было осуществлено выборочно. К ответственности привлекли узкий круг обвиняемых, занимавших на оккупированных территориях командные посты. Вынесенные им приговоры были, учитывая состав и характер совершенных ими преступлений, неадекватно мягкими, а исполнение приговоров большей частью прекращено досрочно. Были наказаны лишь отдельные преступники-исполнители. Возможность денацификации страны, очищения румынского общества от влияния нацистской идеологии в процессе наказания военных преступников левые силы Румынии использовали лишь частично. Руководство СССР исходило из интересов достижения в Румынии широкого политического компромисса и должного воздействия на ее правительство в вопросе о наказании военных преступников не оказало.

Ныне наказание военных преступников рассматривается многими румынскими авторами в ложном контексте «установления тоталита-

ризма в Румынии» («Instaurarea totalitarismului în România»). Политической реабилитации румынских военных преступников, а значит и целей диктатуры Антонеску, и методов, которыми она добивалась их достижения, способствует то обстоятельство, что до настоящего времени опубликована лишь ничтожная часть материалов судебных процессов 1945 - начала 1950-х гг. Румынская общественность не желает знать о злодеяниях, совершенных румынской армией, полицией, гражданской администрацией на оккупированных территориях СССР. Но в Молдавии, на Украине, в России эти преступления не забыты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Натиск на Восток: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время. (Сборник статей, документов и воспоминаний) / Под ред. Н.В. Бабилунги. Бендеры, 2011. С.324-329.

2. Holocaustul în Basarabia. URL: http://agonia.ro/index.php/essay/13894658/Holocaust-ul_%C3%83%C2%AE_n_Basarabia (дата обращения: 19.06.2012).

3. Процессы над военными преступниками. URL: <http://www.ushmm.org/wlc/ru/article.php?ModuleId=10005140> (дата обращения: 19.06.2012).

4. Национальный архив республики Молдова (далее - НА РМ). Ф. 706. Оп. 1. Д. 545. ЛЛ. 36-138.

5. Натиск на Восток: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время. (Сборник статей, документов и воспоминаний). С. 289-293.

6. *Zaharia Cotoș*. Din istoria serviciilor secrete românești XIV Eugen Cristescu

8. URL: <http://bistrita24.ro/articole/Din-istoria-serviciilor-secrete-romanesti-XIV-----Eugen-Cristescu-8-13318.html> (дата обращения: 19.06.2012).

7. СМЕРШ. Исторические очерки и архивные документы. М., 2003. С. 142.

8. *Абрамов В.* Абакумов – начальник СМЕРШа. Взлет и падение любимца Сталина. М., 2005. С. 142.

9. *Шевченко Р.* Кишиневский процесс. URL: http://www.vedomosti.md/news/Kishinevskii_Protsess (дата обращения: 19.06.2012).

10. *Шорников П.М.* Поля падения. Историография молдавской этнополитики. Кишинев, 2009. С.119-131.

11. Daniel Ciugureanu. URL: http://ro.wikipedia.org/wiki/Daniel_Ciugureanu (дата обращения: 19.06.2012).

12. Ion Pelivan. URL: http://ro.wikipedia.org/wiki/Ion_Pelivan (дата обращения: 19.06.2012).

13. *Шорников П.М.* Бессарабский фронт (1918-1940 гг.). 2-е изд. Тирасполь, 2011. С. 86-97, 156-165, 166-180 и др.; он же. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. С. 286-291.

14. *Mihai Tașcă*. Transnistreanul care «a românizat moldovenii». URL: http://www.historia.ro/exclusiv_web/general/articol/transnistreanul-care-romanizat-moldovenii (дата обращения: 19.06.2012).

15. *Moraru P.* Serviciile secrete și Basarabia. Dicționar. 1918-1991. București, 2008. P. 40-43.
16. *Roșca N.* Basarabia și ministrul întregitor Daniel Ciugureanu. Chisinau, 2010. P. 170-171.
17. Ștefan Ciobanu. URL: http://ro.wikipedia.org/wiki/%C8%98Stefan_Ciobanu (дата обращения: 19.06.2012).
18. Gheorghe G. Bezviconi. URL: http://ro.wikipedia.org/wiki/Gheorghe_G_Bezviconi (дата обращения: 19.06.2012).
19. Натиск на Восток: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время. С. 17, 22, 23.
20. *Замура Е.* Кто убил Германа Пынтю? URL: <http://baza.md/index.php?newsid=726> (дата обращения: 19.06.2012).
21. Суляк С. Бессарабия - край родной (к 110-летию со дня рождения П.К. Лещенко) // Русин. Международный исторический журнал. ISSN 1857-2685. 2008. № 1-2 (11-12). С.156-157.
22. Лещенко, Петр Константинович. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CB%E5%F9%E5%ED%EA%EE_%CF%B8%F2%FO_%CA%EE%ED%F1%F2%E0%ED%F2%E8%ED%EE%E2%E8%F7 (дата обращения: 19.06.2012).
23. Pantelimon Halippa. URL: http://ro.wikipedia.org/wiki/Pantelimon_Halippa (дата обращения: 19.06.2012).
24. *Пасат В.И.* Трудные страницы истории Молдовы. 1940-1950-е гг. М., 1994. С.456.
25. Legile № 50 и 51, Monitorul oficial. Nr. 17 din 21 ianuarie 1945. P. 415.
26. Eugen Cristescu. URL: http://ro.wikipedia.org/wiki/Eugen_Cristescu (дата обращения: 19.06.2012).
27. Gheorghe Potoreanu. URL: http://ro.wikipedia.org/wiki/Gheorghe_Potoreanu (дата обращения: 19.06.2012).
28. http://en.wikipedia.org/wiki/Vasile_Atanasiu. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Vasile_Atanasiu (дата обращения: 19.06.2012).
29. Alexandru Batcu. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Alexandru_Batcu (дата обращения: 19.06.2012).
30. Jandarmeria română. № 3. 2008. P. 13.
31. *Ancel J.* Soluționarea «problemei evreiești» în Basarabia și Bucovina, iunie-august 1941. URL: <http://www.idee.ro/holocaust/pdf/solutionarea.pdf> (дата обращения: 19.06.2012).
32. *Шорников П.М.* Цена войны. Кризис системы здравоохранения и демографические потери Молдавии в период Великой Отечественной войны. Кишинев, 1994. С. 96-98.
33. Там же. С. 99-101.
34. Comisie Internațională de Studiere a Holocaustului în România. Raport final. București, 2005. P. 319, 320.
35. Ibid. P. 321.
36. *Dan Ion.* «Procesul» Mareșalului Ion Antonescu. Ediție revizuită și îmbunătățită. București, 2005. URL: <http://www.scribd.com/doc/19606482/Dan-Ioan-Procesul-Maresalului-Ion-Antonescu>. P. 55. (дата обращения: 19.06.2012).

Богдан БОДНАРЮК, Михаил ЧУЧКО

ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В СЕВЕРНЫХ ВОЛОСТЯХ ЗЕМЛИ МОЛДАВСКОЙ И В ПРОВИНЦИИ БУКОВИНА (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX в.)

Духовно-религиозное образование и воспитание, как и культурные традиции, являются естественной, неотъемлемой цивилизационной составляющей каждой нации, любого государства в русле идейно-мировоззренческих приоритетов и морально-нравственных ориентиров социума. Указанный феномен, таким образом, прямо проецируется на просвещение, школьное образование и воспитание, которые в свою очередь формируют и определяют институциональный уровень человека в обществе. Учитывая это, можно объективно констатировать определяющую роль духовности, духовного образования и воспитания в процессе дидактизации стержневых основ христианского вероучения в разные исторические эпохи и периоды. Не стали исключением в этом процессе и северные волости Молдавии, которые после 1775 г. вошли в состав империи австрийских Габсбургов и стали официально именоваться Буковиной.

Переходя непосредственно к теме исследования, необходимо отметить следующее. На территории Черновицкой и Сучавской волостей, как во всей тогдашней Молдавской земле в целом, школьное образование и воспитание, будучи почти исключительно связанными с церковными структурами, служили главным образом для подготовки клириков и государственных чиновников. В первой половине XVIII в. под влиянием идей Просвещения и с подачи воевод в административных центрах цинутов (волостей) Молдавии и отдельных крупных населенных пунктах стали открываться школы, в которых могли учиться дети торговцев и ремесленников. Для их содержания молдавский воевода Григорий II Гика основал 25 декабря 1747 г. школьный фонд в Яссах. Все священники и диаконы Молдавского государства вносили ежегодно в этот фонд по одному золотому. В том же году вместе с Романской и Гушской епископскими школами была реорганизована школа при Рэдэуцком епископстве. Ее переименовали в воеводскую и содержали за счет упомянутого выше фонда¹.

В 1759 г. в ранг высшей воеводской школы было возведено учебное заведение при Путнянском монастыре. Среди преподавателей

этой старой школы, корни которой уходят в эпоху Штефана Великого, стоит упомянуть известного книжника иеромонаха Варфоломея (Мезеряну)².

В 1766 г. молдавский воевода Григорий III Гика провел школьную реформу, в результате которой к упомянутым воеводским школам добавились новые элементарные школы для мирян и сыновей священников. В северо-западной части Молдавского воеводства такие школы были открыты в Сучаве, Черновцах, Рэдэуць, Путне, Кымпулунг-Молдовенеск и Кымпулунг-Русеск (Долгополье). В этих заведениях учили чтению, письму, счету, а также церковному пению. В Северной Молдавии, наряду с воеводскими и епископскими школами, существовали еще и школьные учреждения при монастырях и церквях. В школах при церквях детей обучали обычно церковные певцы - даскалы (дьяки). В 1775-1776 гг. на Буковине насчитывалось 86 таких заведений³.

После аннексии Буковины австрийскими Габсбургами школа в Кымпулунг-Русеск прекратила свое существование, но в то же время была открыта школа в Серете. Главным учебным заведением на Буковине в первые годы австрийского правления стала богословская академия в Путне. Она приобрела свой статус благодаря митрополиту Иакову (Путняну), который пребывал в этом монастыре на покое. В Путнянской академии слушатели изучали Часослов, Псалтирь, Октоих, Катехизис, румынский и славянский языки, греческие песнопения, правописание, географию, риторику, историю по Евсевию от начала возникновения христианства до IX ст. и Флорентийского собора, краткую философию по Платону. В 1778 г. это заведение лишилось высокого статуса и превратилось в обычную школу, которая просуществовала до середины XIX в.⁴

«Постановление об упорядочении духовных, церковных и школьных дел на Буковине» от 29 апреля 1786 г. лишило православные монастыри Буковины образовательных функций, оставляя за монахами лишь богослужебные и молитвенные функции. Постановлением вводились нормальные - четырехклассные (открытые в Черновцах и Сучаве) и тривиальные - элементарные школы (в каждой общине), а для подготовки православного духовенства открывалась клерикальная школа. Содержались все эти учебные заведения за счет Буковинского православного религиозного фонда, созданного из имений монастырей⁵.

Клерикальная школа была открыта в том же 1786 г. в Сучаве, в кельях старой митрополии. Учителем назначили иеромонаха Даниила (Влахович), серба из Славонии, который впоследствии стал епископом Буковины. В 1789 г. клерикальная школа была перенесена в

Черновцы, в Епископскую палату. Ее слушатели изучали Священное писание, нравственное богословие, апологетику, церковное пение, литургику. Обучение продолжалось 3 года. В 1786 г. в клерикальной школе училось только 7 учеников, а в 1804-м - уже 141⁶.

В 1814 г. был принят проект о реорганизации клерикальной школы в семинарию. Через два года австрийские власти издали распоряжение о прекращении приема учащихся, и к концу 1818 г. эта школа прекратила свое существование. Ее должно было заменить другое учебное заведение⁷.

После долгих ходатайств нового епископа Буковины Исаии (Балашеску) перед правительством 4 октября 1827 г. в здании гимназии открылось православное богословское учебное заведение с курсом богословского училища, а 12 февраля 1828 г. при нем была основана клерикальная семинария⁸. С 1838 г. в Черновцах начала действовать Епархиальная православная школа церковных певцов (даскалия)⁹.

В 1856 г. в клерикальной семинарии было введено изучение Священного Писания, церковнославянского и русинского (украинского) языков. С 1869 г. хоровое пение в ней преподавал протопресвитер - ставрофор Исидор Воробкевич - известный буковинский поэт, писатель и композитор. В 1873 г. Буковинская консистория утвердила устав семинарии.

В теологическое учебное заведение принимали только кандидатов, окончивших черновицкую гимназию. Из его стен вышло новое православное буковинское духовенство - первые интеллигенты края. По состоянию на 1843 г. на Буковине было уже 99 священников - выпускников богословского заведения и 240 клириков, вышедших из старой клерикальной школы. В 1848 г. епископом Евгением (Гакманом) в Богословском институте было введено преподавание предметов на румынском языке (вместо латинского).

В 1850 г. Богословский институт получил титул императорского, а в следующем году епископ Евгений задумал повысить его «в соответствии с духом и требованиями времени» до степени факультета¹⁰.

Однако желание православного владыки Буковины исполнилось лишь спустя 25 лет, когда императорским указом от 30 августа 1875 г. было декларировано создание на базе теологического института (ликвидированного указом от 29 августа) нового греко-восточного богословского факультета. Тогда же был утвержден устав теологического факультета Черновицкого университета, официально открытого 4 октября 1875 г. Этот факультет финансировался из Буковинского православного религиозного фонда и разместился на первом этаже семинарского корпуса в резиденции митрополитов Буковины и Далмации. На факультете действовали кафедры библейской

науки и толкования Ветхого Завета, библейской науки и толкования Нового Завета, догматики, нравственного богословия, истории церкви; церковного права, практического богословия, восточных языков.

За преподаванием богословских наук наблюдал митрополит Буковинский. Его голос был решающим при назначении министерством образования и вероисповеданий профессоров и доцентов. Преподавательский состав факультета пополнялся профессорами упраздненного Греко-восточного богословского института. Факультет пытался и самостоятельно готовить на профессорские должности людей из числа его выпускников. За четверть века он подготовил 7 кандидатов на должность преподавателей православного факультета, в частности Е. Воюцкого, В. Геину, В. Георгиу, К. Савескула, С. Сагина, Т. Тарнавского. Среди профессоров и доцентов теологического факультета было лишь два украинца - Е. Козак и Д. Еремийчук, остальные были румынами¹¹.

Курс обучения длился 4 года. У факультета была большая библиотека. На рубеже XIX-XX вв. ее книжный фонд составлял 7 544 изданий. В 1884 г. студенты-богословы создали собственное общество, получившее название «Православная академия» (в 1938 г. оно, наряду с другими ассоциациями студентов, прекратило свое существование)¹².

Во время открытия университета в зимний семестр 1875/1876 г. на теологическом факультете обучалось 39 студентов, в 1884/1885 г. их число возросло до 77. На рубеже веков количество студентов-богословов резко упало. Потом снова увеличилось. Например, в 1903 г. общее число студентов, обучавшихся на богословском факультете, выросло до 55 человек, а в зимний семестр 1911/1912 г. их уже было 204¹³.

Большинство студентов составляли румыны. В частности, в 1900 г. из 36 человек 29 были румынами и только один - украинцем. Это прежде всего связано с тем, что украинские юноши, хотя и учились бесплатно, имели меньше шансов на трудоустройство, чем румыны. Часто для выгодного трудоустройства им приходилось менять свою национальность на румынскую¹⁴.

Греко-восточный богословский факультет в Черновцах играл важную роль в развитии православной теологии не только в Буковине и Австро-Венгерской монархии, но во всей Юго-Восточной Европе, ведь среди его студентов были выходцы из Сербии, Болгарии, Черногории, Османской империи. Особенно много было слушателей из Румынии (в 1906/1907 г. - 9 чел., в 1911/1912 г. - уже 72)¹⁵.

Во время Первой мировой войны (1914-1918 гг.) занятия на теологическом факультете Черновицкого университета прерывались из-за боевых действий.

После 1918 г. богословское образование на Буковине в связи с

вхождением края в состав Румынского королевства претерпело определенные трансформации. Черновицкий университет с 24 октября 1920 г. официально стал румынским учебным заведением. В 1923 г. в нем появился четвертый факультет (философский факультет был разделен на научный и философско-филологический). На теологическом факультете в этот период преподавали В. Тарнавский, В. Шесан, В. Георгиу, Д. Спину, М. Шесан, В. Лойкице, Н. Котос, С. Рели и др. Факультет состоял из 10 кафедр: истории Румынской церкви, всемирной истории церкви, апологетики, библейских исследований Ветхого Завета, библейских исследований и экзегезы Нового Завета, практической теологии, моральной теологии, догматики и др. В 1925 г. на факультете обучалось 159 студентов-богословов (из них 23 - украинцы). В 1932 г. насчитывалось 898 теологов-лиценциатов¹⁶.

Характерно, что в межвоенный период международные связи факультета стали интенсивнее. Его теологическая школа по-прежнему считалась лучшей в Юго-Восточной Европе. Например, в 20-х гг. XX в. лучшие студенты-богословы университета в Белграде, слушая лекции выпускников Черновицкого университета, стремились попасть в Черновцы для завершения богословского образования. К таким принадлежал, в частности, К. Марков, окончивший теологический факультет в Черновцах в 1928 г. Позже, под именем Кирилл, он стал патриархом Болгарской православной церкви.

28 июня 1940 г. профессора, административный персонал и студенты богословского факультета покинули Черновцы в связи со вступлением в северную часть Буковины подразделений Красной армии. Стараниями митрополита Буковинского Тита (Симедри), бывшего ректора И. Нистора и декана богословского факультета Н. Котоса факультет был переведен на юг Буковины - в Сучаву. Разместился он в интернате лицея для юношей «Штефан Великий». В октябре 1940 г. у богословов начались занятия. По состоянию на 1940/1941 г. на факультет записалось 388 абитуриентов и 4 студента, 183 студента-лиценциата, 2 незарегистрированных студента и 1 выпускник курса докторантуры. 17 студентов были из Буковины, 30 - из Старого королевства и 7 - из Бессарабии¹⁷.

Во время кратковременного установления советской власти в Черновцах была разворована и отчасти уничтожена (из 30 000 томов было потеряно 8000) библиотека теологического факультета, хранившаяся в левой части резиденции¹⁸. При отступлении Красной армии из Черновцов 5 июля 1941 г. разорен был и митрополичий комплекс. Тогда были опустошены помещения богословского факультета, интернат для теологов, певческая школа и семинарская церковь, повреждена мебель и другое имущество¹⁹.

Митрополит Буковинский и Хотинский Тит (Симедра), прибывший в Черновцы после вступления туда румынских войск, распорядился провести ремонт митрополичьего комплекса. К осени 1941 г. были отремонтированы корпуса митрополичьей резиденции, восстановлена школа для церковных певцов (с интернатом), интернат для теологов и семинарская церковь²⁰.

11 ноября 1941 г. теологический факультет возобновил свою работу в Черновцах. К учебному процессу приступило 347 студентов и 14 профессоров. Студентам-богословам читались курсы догматики, всемирной церковной истории и патрологии, моральной теологии, церковного права, истории Румынской церкви, катехитики и гомилетики, литургики и пасторалии, педагогики и философии, истории румынской литературы, истории Румынии и др. В феврале 1942 г. маршал И. Антонеску предложил начать частичное преподавание курсов на русском и украинском языках на богословском факультете в Черновцах, дабы должным образом подготовить будущих священников для работы среди этнических меньшинств Буковины и особенно Транснистрии, где население не понимало румынского языка. С марта 1942 г. началось преподавание курсов на этих языках в объеме два часа в неделю. Кстати, в том же году к преподаванию курса «Толкование Нового Завета» на теологическом факультете в Черновцах приступил профессор Юстин (Моисеску), будущий патриарх Румынской православной церкви²¹.

В 1944 г. богословский факультет вновь был эвакуирован из Черновцов в Сучаву, где возобновил работу в нынешнем помещении уездной библиотеки И. Сбиери. Семинарской церковью для богословов стал старинный храм Вознесения Господня (1551 г.), расположенный в центре города. В августе 1948 г. из-за реформы в сфере образования, проводившейся коммунистическим правительством Румынии, факультет прекратил свое существование²².

О религиозном и нравственном воспитании молодежи в церкви и школе на Буковине издавна заботились представители церковного клира. Учителей Слова Божьего готовили сначала в духовных школах, а позже, после открытия в 1875 г. Черновицкого университета, - на богословском факультете и семинарии в митрополичьей резиденции.

Согласно Постановлению об упорядочении духовных, церковных и школьных дел на Буковине от 29 апреля 1786 г., в открытых австрийской администрацией четырехклассных школах в Черновцах и Сучаве, наряду с обучением чтению, письму, счету, предусматривалось изучение немецкого и английского языка, первой части румынского Катехизиса (для молдаван, т.е. православных) или малого Катехизиса (для немцев). В первом случае как учебное пособие рекомендовался

Катехизис, изданный Карловицким Собором в 1774 г. (второе издание - Черновцы, 1804)²³.

Азы религии изучались также в тривиальных (трехлетних) школах, количество которых в крае выросло в 1792 г. до 32-х. В течение 1787-1788 гг. на Буковине было открыто много партикулярных евангелических школ для немецких колонистов-протестантов. Евреи тоже открывали частные школы для своих детей (их обучение велось на еврейском языке и носило исключительно религиозный характер)²⁴.

В 1804 г. австрийские власти издали новый школьный закон, согласно которому в школьной программе было увеличено количество часов для преподавания религии. Начальное образование получило конфессиональный характер и требовало разделения по религиозным общинам. Это усилило роль православной церкви Буковины в деле контроля над образованием, поскольку большинство учащихся, как и вообще населения провинции, были православными. Согласно закону, разделение по конфессиям осуществлялось только на уроках религии, остальные учебные дисциплины ученики изучали совместно²⁵.

В 1815 г. вышел императорский указ о передаче образовательных учреждений Буковины под контроль римско-католической консистории во Львове. На места православных учителей пришло много преподавателей - римо-католиков и греко-католиков (униатов). В учебный процесс вошел польский язык²⁶.

В 1820 г. католическая консистория издала распоряжение учителям Буковины осуществлять религиозно-нравственное воспитание по католическому образцу. Поэтому половину всех школьников составляли католики или протестанты, тогда как число православных учащихся уменьшалось. В 1831 г. на Буковине православных школьников было всего 700 человек. Православные предпочитали учить детей у даскалов. Так, Ираклий Порумбеску обучался в течение 1828-1833 гг. у даскала Геннадия Платеньки из монастыря Путна по Букварю, Часослову и Псалтири²⁷.

Буковинская православная консистория в 1826, 1832, 1833, 1834 и 1836 гг. настойчиво ходатайствовала перед австрийскими властями об освобождении школ края от пресса полонизации и католицизма. Только в 1844 г. епископу Буковинскому Евгению (Гакману) удалось перевести школы Буковины под контроль православной консистории в Черновцах²⁸.

В 1865 г. на Буковине было 105 школ, подчиненных православной консистории (23 румынских, 13 русинских (украинских) и 69 смешанных), 38 школ католических (все смешанные) и 13 школ евангелистских (12 лютеранских немецких и 1 кальвинистская (венгерская))²⁹.

Буковинский общественно-политический деятель и педагог Эмилиан Попович, вспоминая свое обучение в 2-классной школе с. Сторонец-Путилов (открывшейся в 1863 г.), сделал в мемуарах следующую ремарку о тогдашней системе обучения и поощрения: «Помню, как протоиерей Ганицкий приходил на визитацию школы, которая подлежала тогда консистории, как раздавал он в конце года, по случаю экзаменов, лучшим ученикам-премиантам в подарок книги и образки святых»³⁰.

На основании государственного закона от 1869 г. и краевого - от 1870 г. на Буковине вместо тривиальных школ и учительской семинарии (православной «препаранды»), находившихся под контролем консистории, были открыты народные школы и учительские семинарии, подчиненные уездным и краевым школьным советам, в состав которых входили также духовные лица - представители всех вероисповеданий.

Например, по данным на 1894 г., в составе Буковинского краевого школьного совета наряду со светскими членами были профессор православного богословского факультета доктор Емилиан Воючки, римо-католический священник Йозеф Шмид, председатель еврейского сообщества Нафтали Титтингер. В Черновицкий городской школьный совет входили школьный инспектор архимандрит Владимир (Репта) - будущий митрополит Буковины, экзарх Иоанн Прокопиевич, греко-католический декан Целестин Костецкий и городской раввин д-р Йосиф Розенфельд. В совете сельского Черновицкого уезда присутствовали православный священник Артемий Берарю и греко-католический священник Теофил Шухевич; в составе школьного совета Кымполунгского уезда - православные священники Думитру Цуркан и Тит де Ончул, евангельский пастырь Карл Франкендорфен; в Кицманском уезде в школьном совете состояли православный священник Иоанн Гомивка, греко-католический священник Александр Майковский; в совете Гура-Гуморского уезда присутствовали православный священник Михаил Илиуц и евангельский пастырь Горгон Трауготт; школьный совет Радивецкого уезда включал евангельского пастора Мартина Декера, римо-католического декана Эдуарда Нистенбергера, православного священника Теодора Патраша и римо-католического священника Йоханна Кубачека; в совет уезда Серет входил римо-католический священник Йоханн Кубачек; членами школьного совета Сучавского уезда были православный священник Симеон Флоря Мариан (известный этнограф) и римо-католический администратор Йозеф Чеве; в состав Вижницкого уездного школьного совета входили православные священники Георгий Ганицкий и Иоанн Осташек, а также римо-католический священник Клеменс Энцингер³¹.

В гимназиях (основанных в разное время в Черновцах, Сучаве, Рэдэуць и Серете), учительской семинарии и профессиональных школах религиозное обучение проводили отдельные клирики-законоучители, которые, правда, больше заботились о том, чтобы склонить своих учеников к принятию румынской национальности. Как свидетельствовал польский ксендз Ян Бадени, посетивший Буковину в 1891 г., в Черновицкой гимназии был «отдельный русский преподаватель православного катехизиса и отдельный румынский, а в остальных буковинских средних школах обучение православной религии ведется фактически на румынском языке, хотя в учебном 1890/91 году записались в учительской семинарии 92 русина и только 70 румын». Более того, «многолетний русский преподаватель катехизма Эммануил (Элиас Чунтуляк) ... делал, что мог, чтобы свою школу опустошить, а румынскую заполнить». Так что за несколько лет количество учащихся, изучавших «русский катехизис», сократилось с 86 до 46³².

Надо отметить, что в румынской части края - в Сучаве, а именно в тамошней православной гимназии, происходил другой процесс - процесс германизации учеников-румын. В частности, священник Константин Морару, уроженец с. Метока-Драгомирна, в своих мемуарах об этом заведении (открытом в 1860 г.) с удовольствием вспоминал многих своих учителей, особенно православных катехитов Бэлдына, Воробкевича и Григоровича, и в негативных тонах изображал тогдашнего директора гимназии Иоганна Лимбергера (назначенного на эту должность 22 апреля 1870 г.). Культуррегент германизации, он унижал достоинство учеников-румын. В качестве примера о. К. Морару описывает такой случай с малоимущим учеником-румыном: «Ну-ка, скажи мне, Прилипчан, - как-то спросил он [Лимбергер. - Б.Б., М.Ч.] моего несчастного коллегу, одетого в старую и не совсем чистую одежду, - имеют гниды и крылья?» - «Нет». - «Счастье, - произнес Лимбергер, саркастически улыбаясь, - поскольку в противном случае они бы перелетали из грязных одежд и на чистые». Однако ученик ответил: «Вы читаете валашские газеты? Если еще читаете валашские газеты, тогда поезжайте в Валахию»³³.

Кроме православных катехитов, в высших школах занимались религиозным обучением своих духовных чад и клирики других конфессий. В частности, в 1904 г. в православной высшей гимназии в Сучаве на 319 учеников православного вероисповедания был один учитель религии - протопресвитер Симион Флоря Мариан. В православной реальной школе в Черновцах православных учащихся религии обучал священник Димитриу фон Цопа, католиков - римо-католический священник Людвиг Винтер, законоучителем для евангелистов был Йозеф Фрониус, для греко-католиков - Михаил Симович, для иу-

деев - Фишель Бреннер. В 5-классной школе г. Черновцы (бывший национальной «молдавской») и в православной высшей девичьей школе православным катехитом был священник Иоанн де Севескул. В императорской высшей гимназии в Черновцах православными законоучителями работали протопресвитер Калистрат Кока (преподавал религию для румын) и священник Евгений Семака (учил Закону Божьему украинцев). В учительской семинарии учителем религии для православных слушателей был протопресвитер Илья Бендас. В императорской высшей гимназии в Рэдэуць православным катехитом работал экзарх Иоанн Келару, а в низшей гимназии в Серете - православный священник Петру Попескул. В коммунальной народной школе в Черновцах православным законоучителем был синкел Эммануил (Евгений Воробкевич)³⁴.

В народных школах Буковины, которых в 1904/1905 г. насчитывалось 399 (к концу 1908 г. их число возросло до 492), религию преподавали священники тех приходов, на территории которых они находились. Однако приходское духовенство не всегда добросовестно относилось к своим катехическим обязанностям, больше заботясь о собственных делах и богатстве, чем о религиозном обучении прихожан. В частности, корреспондент из с. Вытыловка сообщал в 1905 г. в газете «Руска Рада», что работник Василий Олейник, который не умел прочесть молитвы «Отче наш», должен был дать местному священнику Василию Велигорскому 4 лева, а за заповеди - 3 лева, для чего должен был продать 2 пражины огорода. Хотя, замечает корреспондент, «Отче наш» тот сам «не учил ни в школе, ни в церкви, но деньги брать умеет хорошо»³⁵. Также «Руска Рада» сообщает о жалобах на священника Драбика в Веренчанке, который скорее «просидит всю ночь за картами с господами, но не посидит и часика с крестьянскими детьми, чтобы их хотя бы опросить, как уже не научить "Отче наш"»³⁶.

В румынский период в учебных заведениях Буковины ученики также должны были изучать основы религии. На занятиях по этому предмету они, как и при Австро-Венгерской империи, делились на конфессии. В городских учебных заведениях религиозным обучением занимались духовники-катехиты. Некоторые из них оставили о себе у учащихся добрую память. Например, румынский историк Владимир Требич, уроженец черновицкого предместья Люди-Гореча, с удовольствием вспоминал о своем первом православном катехите в Черновицком лицее «Арон Пумнул» - о Симеоне Рели, который также был регентом церковного пения, а позже стал профессором церковной истории на богословском факультете Черновицкого университета. Другим преподавателем религии в лицее, о котором с теплотой от-

зывается В. Требич, был о. Резуш - участник Первой мировой войны, человек доброго нрава, с приятной относившийся к ученикам (в 1940 г. он был депортирован советской властью в Сибирь, откуда так и не вернулся). В. Требич также тепло вспоминает директора лицея «Арон Пумнул» протоиерея Петру Попеску, который тоже преподавал религию. Будучи уроженцем одной из деревень близ г. Серет, этот священник с длинной бородой и в очках олицетворял для учащихся типичный образ буковинского книжника былых времен, который всегда находил мудрое слово для дебоширов³⁷.

По состоянию на 1936/1937 г. в составе православной катехитур черновицких лицеев были квалифицированные клирики-законоучители. В частности, в лицее «Арон Пумнул» курс религии тогда читал о. Д. Воевидко, в православном девичьем лицее «Елена Домна» - о. М. Лазарюк, в православном лицее для мальчиков «Митрополит Сильвестру» - о. Э. Гостюк, в девичьем лицее «Олтя Домна» - о. В. Бока, в лицее для мальчиков «Д-р К. Ангэлеску» - д-р о. С. Рели и о. Д. Ончулеску (последний преподавал религию также в военном лицее «Штефан Великий»), в лицее для мальчиков «Великий воевода Михай» - о. И. Городиски. Отдельные православные катехиты были также в профессиональных и коммерческих лицеях, гимназиях, институте слепых и глухонемых в Черновцах, лицеях в г. Кицмань, Кымпулунг, Гура-Гуморулуй, Рэдэуць, Сучава, Серет, Сторожинец, гимназиях в Вижнице, Викове де Сус и Бурдюжень, а также черновицких нормальных и начальных школах. В сельских школах религию для учеников православного вероисповедания по-прежнему читали сельские священники³⁸.

С приходом 28 июня 1940 в северную часть Буковины советской власти обучение религии в школах прекратилось, поскольку в Советском Союзе школа была отделена от церкви. Священники или эмигрировали в Румынию, или были депортированы (как, например, о. Резуш). На короткое время религиозное обучение в северной части края возродилось в 1941 - 1944 гг. В южной части Буковины, которая оставалась в составе Румынии, Закон Божий преподавался в учебных заведениях до 1948 г., когда введенное румынскими коммунистами новое законодательство об образовании поставило крест на духовно-религиозном воспитании детей и юношества в Сучавском уезде.

Обобщая изложенное выше, можно констатировать, что на территории Черновицкой и Сучавской волостей Молдовы, а позже в австрийской и румынской Буковине на протяжении XVIII - первой половины XX ст. традиции духовного и духовно-религиозного образования, как и уровень катехизации (в пределах школьного образования и практики общего просвещения), носили ярко выраженный

дидактически-напутственный характер. Они были направлены на формирование у детей и юношества (школьников и гимназистов) христианской мировоззренческой доминанты, идеалов гуманизма, евангельских морально-этических предпочтений и гражданского патриотизма путем реализации опытными учителями-катехитами и приходскими священниками т. н. метексиса - метафизического приобщения человека к Богу и воспитания позитивных творческих качеств характера. Сейчас данная проблема снова становится актуальной. Благодаря задачам, связанным с практической реализацией духовного воспитания школьников, у нее есть новые исследовательские перспективы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ungureanu C. Învățămintul primar din Bucovina (1774-1918). Chișinău: Civitas, 2007. P. 12.*

2. *Cojocaru C. Isaia Baloșescu, episcopul Bucovinei (17 iulie 1823 – 14 septembrie 1834) // Analele Bucovinei. 2000. Anul VII. № 2. P. 325, 362-363; Ungureanu C. Op. cit. P. 12; Reli S. Facultatea de Teologie din Cernăuți (scurt istoric, situație și călăuză). Cernăuți, 1942. P. 9.*

3. *Ungureanu C. Op. cit. P. 12-14.*

4. *Cojocaru C. Isaia Baloșescu, episcopul Bucovinei (17 iulie 1823 – 14 septembrie 1834). P.364; Ungureanu C. Op. cit. P. 14-15.*

5. *Normalien der Bucovinaer gr.-or. Archiepiscopal-Diöcese von 1777-1886 / Zusammengestellt und redigiert infolge des Bukowinaer gr.-or. Erzbischoflichen Consistoriums vom 13/25 März 1886 ad Nr. 726 vom Consistorial-Rath Myron M. Calinescu. Czernowitz: Verl. des gr. or. erzbisch. Consist. s.a., 1887. Bd. I.S. 29-67, 91-92, 105-106; Ungureanu C. Op. cit. P. 21.*

6. *Cojocaru C. Daniel Vlahovici – episcop al Bucovinei (23 aprilie 1789 – 20 august 1822) (I) // Analele Bucovinei. 2000. Anul VII. № 1. P. 48, 54, 57-58, 60, 64-65; Ungureanu C. Op. cit. P. 31-32.*

7. *Воскресенский Г. А. Православные славяне въ Австро-Венгрии. СПб.: Издание С.-Петербургского Славянского благотворительного общества, 1913. С. 79; Смаль-Стоцкий С. Буковинська Русь. Культурно-історичний образок // Зелена Буковина. Еколого-краєзнавчий науковий і науково-популярний журнал, № 3-4. 1996. № 1. 1997. С. 52-53.*

8. *Cojocaru C. Isaia Baloșescu, episcopul Bucovinei (17 iulie 1823 – 14 septembrie 1834). P. 380-382.*

9. *Можарівський В. Православна церква на Буковині. Доба Митрополій (сер. XIX – 1 пол. XX ст.). Чернівці: б/в, 2006. С. 188.*

10. *Воскресенский Г. А. Указ. соч. С. 79; Reli S. Op. cit. P. 10; Смаль-Стоцкий С. Вказ. праця. С. 53.*

11. *Воскресенский Г. А.* Указ. соч. С. 79-80; *Reli S.* Op. cit. P. 10-11; *Vicovan I., Adumitroaie C.* Aspecte ale învățământul teologic superior din Bucovina românească (1918 – 1948) // *Culturi și Religii în Bucovina istorică. Retrospectivă și perspective ale dezvoltării.* Cluj-Napoca, 2011. P. 171.

12. *Можарівський В.* Вказ. праця. С.180.

13. *Турчинський Е.* Значення Чернівців для православної теології у Південно-Східній Європі // *Буковинський журнал.* 1996. Ч. 3-4. С. 77; *Воскресенский Г.А.* Указ. соч. С. 80-82.

14. *Можарівський В.* Вказ. праця. С. 183.

15. *Vicovan I., Adumitroaie C.* Op. cit. P. 171-174.

16. *Reli S.* Op. cit. P. 33-34.

17. *Vicovan I., Adumitroaie C.* Op. cit. P. 174-175.

18. *Reli S.* Op. cit. P. 33-34.

19. *Moraru P.* Bucovina sub regimul Antonescu (1941-1944). Chișinău, 2004. Vol. II. P. 21, 71.

20. *Moraru P.* Op. cit. P. 71.

21. *Reli S.* Op. cit. P. 29, 32; *Moraru P.* Op. cit. P. 21-22.

22. *Vicovan I., Adumitroaie C.* Op. cit. P. 188.

23. *Мордвинов В.* Православная церковь въ Буковинѣ. СПб., 1874. С. 39; *Ungureanu C.* Op. cit. P. 22; *Смаль-Стоцкий С.* Вказ. праця. С. 34-35, 44-45.

24. *Ungureanu C.* Op. cit. P. 24, 30.

25. *Ungureanu C.* Op. cit. P. 26-27.

26. *Смаль-Стоцкий С.* Вказ. праця. С.40; *Ungureanu C.* Op. cit. P. 32-33.

27. *Ungureanu C.* Op. cit. P. 36-37.

28. *Смаль-Стоцкий С.* Вказ. праця. С. 41; *Ungureanu C.* Op. cit. P. 37.

29. *Ungureanu C.* Op. cit. P. 45.

30. *Попович О.* Відродження Буковини // *Буковинський журнал.* 1992. Ч. 1. С. 125.

31. *Ungureanu C.* Op. cit. P. 220-254.

32. *Бадені Я. В.* Чернівцях. Враження з кількадечної поїздки. Чернівці: Золоті литаври, 2006. С. 27-30.

33. *Morariu C.* Cursul vieții mele (continuare) // *Glasul Bucovinei.* Cernăuți-București, 1997. № 2. P. 101.

34. *Schematismus der Bucovinaer gr.-or. Archiepiscopal-Diocese fur das Jahr 1904.* Cernowitz: Verlage des gr. or. erzbisch. Consist. s.a., 1904. S.192-197.

35. *Чучко М. К.* «И взят Бога на помощь»: соціально-релігійний чинник в житті православного населення північних волостей Молдавського воєводства та австрійської Буковини (епоха пізнього середньовіччя та нового часу). Чернівці, 2008. С. 244.

36. Там само.

37. *Trebici V.* Însemnări din memorie (1916–1999) // *Glasul Bucovinei.* Cernăuți-București, 2010. № 2. P. 120, 122-123.

38. *Anuarul Mitropoliei Bucovinei pe anul 1937.* Cernăuți, 1937. P. 169-171.

Максим ЖИХ

ОТКРЫТИЕ БЕРЛИНСКОГО СПИСКА НОВГОРОДСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ¹

Хорошо известно, что круг письменных источников по истории домонгольской Руси весьма ограничен и пополняется, главным образом, благодаря находкам берестяных грамот и эпиграфических памятников, а также находками и переводами на русский язык иностранных источников. Открытие древнерусского нарративного источника, неизвестного до того науке, – событие ныне чрезвычайно редкое. И здесь многое может дать поиск в зарубежных рукописных собраниях.

Новгородская Первая летопись (далее – НПЛ), наряду с Ипатьевской и Лаврентьевской летописями, является одним из трех древнейших русских летописных сводов, имеющих особое значение для изучения истории Киевской Руси². Для изучения же истории Новгорода с XI до середины XV в. НПЛ и вовсе является основным источником. В состав НПЛ входят, по мнению большинства ученых, летописный свод, составленный в конце XI в. и предшествующий отразившейся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях «Повести временных лет», который был назван А.А. Шахматовым «начальным», собственно новгородские летописные своды, «Русская Правда», жития Александра Невского, Михаила Черниговского, Михаила Тверского и других русских святых, «Повесть о взятии Царьграда fryгами», «Повесть о битве на Калке», «Повесть о нашествии Батыя», «Сказание об убийстве в Орде князя Михаила Черниговского», «Повесть о Довмонте», «Повесть о Куликовской битве» и т. д. – множество ценнейших произведений древнерусской литературы.

По этой причине НПЛ всегда была в центре внимания ученых. Анализ и изучению ее места в древнерусском летописании посвящено множество работ³, начиная с ее первооткрывателя – знаменитого историка первой половины XVIII в. Василия Никитича Татищева (1686–1750). В этой связи очень странным является то обстоятельство, что один из списков НПЛ, имеющий, как теперь стало ясно, большое значение для ее изучения, фактически выпал из поля зрения науки.

Существует несколько хорошо известных ученым списков НПЛ. Старший извод НПЛ представлен одним списком – древнейшим – Синодальным, который хранится ныне в Государственном историческом музее. Он написан на пергаменте и содержит 169 листов – началь-

ную часть летописи. Остальная (утрачено шестнадцать из тридцати семи тетрадей, в частности, весь текст до 1016 г.) его часть до нас не дошла. Синодальный список НПЛ представляет собой, в сравнении с другими ее списками, относящимися к Младшему изводу, краткое изложение событий древнерусской истории.

Младший извод НПЛ представлен рядом списков, основными из которых являются Комиссионный и Академический, относящиеся к середине XV в. Также важен Толстовский список, выполненный в 1720-е гг. с Академического: в то время в Академическом списке было утрачено только 8 листов (ныне - больше), и данный список полезен для восстановления утраченных к настоящему времени мест Академического списка. Остальные списки НПЛ (Уваровский, Румянцевские первый и второй, Воронцовский) традиционно считаются вторичными по отношению к Академическому и не привлекают особого внимания ученых, хотя реально вопрос об их соотношении до конца не решен.

Все известные науке до недавнего времени списки НПЛ имеют, к сожалению, какие-то дефекты, из-за которых произошли большие или меньшие утраты текстов. И вот нашелся новый – Берлинский – список НПЛ, не имеющий никаких дефектов. Он может стать основой для восстановления текстов, утраченных в остальных списках. Хранится он в отделе рукописей Государственной библиотеки в Берлине – Прусское культурное наследие (Staatsbibliothek zu Berlin – Preussischer Kulturbesitz)⁴. Он поступил туда в конце XIX в. и был атрибутирован как «список Новгородской 1-й летописи попа Ивана с добавлением отсутствующего начала», изготовленный в 1738 г. «для русского историка В.Н. Татищева в деревне Болдино Владимирской губернии». Там его обнаружил современный российский историк, специалист по Древней Руси Александр Вячеславович Майоров, снял с него копию и начал его изучение в контексте истории русского летописания⁵, увенчавшееся фототипическим изданием списка с основательным предисловием, раскрывающим историю рукописи и ее обретения после долгих лет забвения.

Что же собой представляет Берлинский список? Каковы его история и место среди списков НПЛ? И главное: почему до недавнего времени он фактически выпал из поля зрения исторической науки? Ведь мы ничего не встретим о нем в работах крупнейших наших летописеведов: А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова, А.Н. Насонова, М.Н. Тихомирова, А.Г. Кузьмина, С.Н. Азбелева, А.Г. Боброва, А.А. Гиппиуса и т. д. Советские и российские ученые с его текстом знакомы не были (за исключением содержащегося в нем текста «Русской Правды», который привлекался к ее изданиям), а после Второй мировой войны и само местонахождение Берлинского списка было неизвестно